Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**

№ 2 • 2016• МАРТ—АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Телевидение и радио

Чобанян К.В. Тема как жанрообразующий фактор контента информационных телеканалов (на примере каналов Си-эн-эн и «Россия 24»)..... 3

Социология журналистики

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е., Макалатия А.Г. Особенности восприятия эмоциональных состояний в информационной коммуникации..... 23

История журналистики и литературы

Савельева М.С. Признаки сближения представителей «традиционалистской» и постмодернистской эстетики (на примере критической дискуссии о творчестве А. Битова)..... 39

Котариди Ю.Г. Платоновская гносеология в поэтике Э.Т.А. Гофмана (на примере новелл «Кавалер Глюк», «Дон Жуан», «Золотой горшок)..... 55

Периодическая печать

Гладкова А.А. Журнальный рынок Нидерландов в эпоху размежевания и на современном этапе (на примере еженедельников *Elsevier, Vrij Nederland, De Groene Amsterdammer*) 66

Голоусова Е. С., Стровский Д. Л. Тема женского сексуального здоровья в российских СМИ (на примере глянцевой журнальной периодики)..... 82

CONTENTS

Television and Radio

Chobanyan K.V. Topic as the Genre-Determining Factor for Commercial and State-Owned News Channel Content (Based on CNN and «Rossiya 24» News Channels) 3

Sociology of Journalism

Matveeva L.V., Anikeeva T.Ya., Mochalova Yu.V., Petrakova E.E., Makalatiya A.G. The Specifics of Emotional States Perception in Informational Communication..... 23

History of Journalism and Literature

Savelyeva M.S. The Signs of «Traditionalist» and Post-Modern Aesthetics Convergence (On the Basis of Critical Discourse Regarding A. Bitov's Literary Works) 39

Kotaridi Yu.G. Platonic Epistemology in E.T.A. Hoffmann's Poetics (On the Basis of «Cavalier Gluck», «Don Juan», «Golden Pot» Tales) 55

Periodical Press

Gladkova A.A. Netherland Magazine Market at the Time of Pillarization and Today (Exemplified by the Weeklies *Elsevier, Vrij Nederland, De Groene Amsterdammer*) 66

Golousova E.S., Strovsky D.L. The Issue of Female Sexual Health in the Russian Media (The Case of Glossy Magazines)..... 82

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2016

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

К.В. Чобанян, соискатель кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, преподаватель кафедры СМК Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; e-mail: kchobanyan@gmail.com

ТЕМА КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР КОНТЕНТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ КАНАЛОВ СИ-ЭН-ЭН И «РОССИЯ 24»)

В статье рассматривается возможная связь между тематикой новостного материала и выбором жанра, в котором он подается зрителю. В ходе сравнительного анализа исследуются тематические преференции американского и российского информационного телеканала, изучается связь между контентом и его жанровой структурой и предлагаются жанрово-тематические формулы.

Ключевые слова: *жанры тележурналистики, тематика круглосуточного информационного вещания, жанрово-тематические формулы, информационное телевещание.*

The article studies possible connection between the topic of a news story and the choice of its genre. Using comparative analysis the author researches thematic preferences of the American and Russian versions of 24-hour news TV-channels, explores the connection between content and genre choice and offers genre-and-topic formulae.

Key words: *genres of television journalism, story topics of 24-hour news channel, genre and topic formulae, news television.*

Введение

Какая новостная тематика наполняет контент современных информационных каналов и существует ли связь между тематической составляющей новости и жанром, в котором она предлагается? С одной стороны, тематическая составляющая новостных программ определяется традиционными критериями отбора информации (их мы рассмотрим далее). С другой, важную роль при этом играет и выбор жанра, в котором новость подается зрителю, – ведь информация, выходящая в жанре интервью, комментария, дискуссии или репортажа, получает значительно больше эфирного времени, а значит, должна привлекать и удерживать внимание зрителя сильнее, чем короткое информационное сообщение. Как мы обна-

ружили, на американском и российском информационном канале тема является значительным жанрообразующим фактором, однако фактор конкуренции и национальные традиции журналистики могут влиять на жанрово-тематическую структуру контента. Мы также выяснили, что, помимо темы, выбор жанра зависит и от таких факторов, как срочность, утилитарность информации и незавершенность действия, которые мы подробно рассмотрим во второй части статьи.

В качестве примеров двух различных моделей внутреннего информационного круглосуточного телевещания нами были выбраны американский частный телеканал Си-эн-эн (CNN) и российский государственный телеканал «Россия 24». Внутреннее новостное вещание представлено в медиасистемах многих стран (к примеру, в Аргентине, Испании, Японии), однако наиболее значительным является рынок США, где оно играет заметную роль в системе телевидения, а наиболее близким для нас – российский.

Си-эн-эн – классический круглосуточный информационный кабельный телеканал с устоявшимся и узнаваемым брендом. Несмотря на общепризнанный бренд, репутацию и внушительную историю (с 1980 г.), сегодня канал вынужден бороться за своего зрителя. Жесткая конкуренция на рынке США усиливает значимость рейтинговых показателей для жизнеспособности коммерческого канала. В данной статье мы обращаемся к каналу Си-эн-эн/Ю-эс (CNN/US), транслирующему только на территории США: именно для этого канала (а не международного «Си-эн-эн Интернешнл» (CNN International)) борьба за рейтинг является наиболее актуальной.

Обращение к каналу «Россия 24» придает особую актуальность нашему исследованию, позволяя с помощью инструментов сравнительного анализа изучить данный сегмент отечественного рынка. На наш взгляд, на российском рынке именно этот канал, дебютировавший в 2006 г., является типичным примером круглосуточного информационного вещания, формат которого близок Си-эн-эн (хотя следует отметить, что формат вещания и дизайн студии более близки не к домашней, а к международной версии «Си-эн-эн Интернешнл»). При этом существуют важные фундаментальные отличия «России 24» от американского канала: мощная финансовая поддержка государства (канал – часть холдинга ВГТРК) и отсутствие жесткой конкуренции в данной нише на российском рынке.

Степень разработанности темы

В отечественных исследованиях вопрос о теме как жанрообразующем факторе рассмотрен в работах И.Г. Сибиряковой, Н.В. Орловой, Т.В. Шмелевой, посвященных изучению речевых жанров. Т.В. Шмелева выделяет диктум (событийную основу) как один из жанрообразующих моментов, на основе которого можно провести дифференциацию жанров (например, выделить в очерке путевой, судебный, портретный и т.д.) [Шмелева, 2012]. И.Г. Сибирякова описывает способы развертывания темы в разговорной речи, отмечая предметно-тематическую иерархию и ее открытый или скрытый характер в разговорных диалогах. [Сибирякова, 1997]. Н.В. Орлова использует принцип «от темы к жанру» и пытается выявить «репертуар жанров», связанных с конкретной диктумной основой [Орлова, 2002].

Вопрос корреляции темы и жанра в массмедийном дискурсе рассмотрен Н.В. Тырыгиной на материале британской прессы. Автор исследует тематизацию наряду с номинацией и предикацией как активные факторы жанрообразовательного процесса. Отвечая на вопрос о том, *что* и *как* тематизируется в массмедиа, Н.В. Тырыгина выделяет прототипические диктемы – части текста-прототипа, минимальные топикальные единицы текста. По мнению автора, диктема способна вбирать в себя такое свойство текста, как его жанровая категория [Тырыгина, 2010].

На западе вопросы темы и жанра рассматривались уже в начале 1990-х гг. в работах Дж. Фрэнсис и П. Фриса. Их исследования, во-первых, подтверждают, а во-вторых, раскрывают связь между тематическим содержанием и жанром текста. Так, Дж. Фрэнсис выделяет базовые семантические категории, характерные для трех групп газетных жанров (новости, редакционные статьи, письма в редакцию): люди, конкретные вещи, абстракции, время и «остальное». Первые две, по ее мнению, наиболее характерны для новостных жанров. Она также делает попытку изучить модели тематических прогрессий в различных жанрах, определяя линейную прогрессию в новостных материалах: тема каждого последующего предложения является производным от ремы предыдущего [Francis, 1990]. П. Фрис, также как и Дж. Фрэнсис, исследует данный вопрос с позиций лингвистики и расширяет эмпирическую базу, рассматривая некрологи из газет и журналов наряду с художественной литературой, с текстом технического характера и с текстом

рекламного характера. В результате это подтверждается корреляцией между тематической прогрессией и жанром [Fries, 1995].

Заслуживает внимания теория «формульных жанров», представленная в литературных исследованиях Дж. Кавелти, где литературная формула – это «структура повествовательных и драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений» [Кавелти, 1996].

Достаточно полно как в российских, так и в западных исследованиях описаны и критерии отбора информации в новостной журналистике. Среди основных: конфликтность, катастрофа, развитие и последствия важных событий, новизна, знаменитость, человеческий фактор и местная тематика [Дэннис, Мэррил, 1997, с. 205]; своевременность, масштабность, воздействие новости, ее необычность и персонификация [Цвик, 2004, с. 213-214].

Тем не менее вопрос о теме как жанрообразующем факторе в условиях рейтинговой борьбы (или ее отсутствия) остается слабо изученным. Важной категорией при этом становится эфирное время и способность определенной новостной тематики привлечь и удержать внимание зрителя. В рамках данной статьи мы, опираясь на предыдущие исследования, проводим незафиксированный ранее сравнительный анализ двух круглосуточных информационных телеканалов, функционирующих в условиях высокой и низкой конкуренции, через призму тематики контента как жанрообразующего фактора. В ходе исследования мы пытаемся ответить на вопрос, является ли тематическая категория важным жанрообразующим фактором для американского и российского информационного канала (к примеру, освещается ли культура преимущественно в жанре информационного сообщения, а криминал в более длинных жанрах выступления и интервью)? При этом «тему» мы понимаем не в структурном аспекте, а в семантическом – как смысловую целостность текста, его тематическое содержание. Мы используем метод Н.В. Орловой «от темы к жанру», а затем верифицируем результаты, анализируя их по противоположному принципу («от жанра к теме»).

Новизна исследования состоит и в предлагаемых жанрово-тематических формулах российского и американского канала. Отталкиваясь от теории «формульных жанров» Кавелти, мы находим базовые компоненты, привлекающие внимание зрителя, и определяем их сочетание в различных жанрах американской и российской версий информационного телевещания. В анализе мы ис-

пользуем жанровую типологию каналов Си-эн-эн и «Россия 24», описанную нами ранее [Чобанян, 2015], и опираемся на терминологию, предложенную В.Л. Цвиком [Цвик, 2004].

Цель работы – выяснить, существует ли зависимость между выбором жанра и новостной тематикой на американском и российском информационных каналах; определить жанрово-тематические формулы рассматриваемых каналов.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести тематический анализ новостных материалов исследуемых телеканалов и выявить основные тематические категории.
2. Провести жанрово-тематический анализ контента двух каналов.
3. Определить основные составляющие тематических категорий.
4. Вывести жанрово-тематические формулы американского и российского круглосуточного информационного канала.

Дизайн исследования

Эмпирическим материалом для нашего исследования стали информационные выпуски телеканалов Си-эн-эн и «Россия 24», вышедшие в эфир в течение 2013 г. В выборку вошли 20 (по 10 дневных и по 10 вечерних) программ каждого канала. Включена как типовая неделя (4-8 февраля для Си-эн-эн и 11-15 февраля для «России 24»), так и искусственная неделя из пятимесячного периода (с августа по декабрь 2013 г.). Особенностью информационных программ Си-эн-эн (дневные выпуски с 13:00 до 14:00, с 14:00 до 15:00 и вечерняя программа «Андерсон Купер 360º», выходящая в эфир с 20:00 до 21:00) является 60-минутный хронометраж (включая рекламу). В них мы определили 332 новостных материала. Выборка российского канала была сформирована из дневных и вечерних выпусков (13:00, 14:00, 21:00 по московскому времени), которые не имеют жесткого хронометража: типичный информационный выпуск открывает каждый час и длится в среднем около 30 минут (до первой рекламной паузы). В них мы насчитали 280 новостных материалов.

Важным фактором при формировании выборки являлось отсутствие (либо небольшой объем) срочных новостей (*breaking news*). Отметим, что мы намеренно не включали в выборку программы выходных дней по нескольким причинам: во-первых, на Си-эн-эн в сетке вещания выходных дней больше аналитических

программ (их предваряет двухминутный выпуск коротких новостей), во-вторых, как правило, информационная насыщенность выпусков менее интенсивна по сравнению с рабочими днями, в связи с чем новостные материалы часто дублируются (либо незначительно редактируются) из выпуска в выпуск.

Данная выборка, на наш взгляд, отвечает требованиям репрезентативности по количеству материалов (около 300 новостных материалов от каждого канала, всего 40 информационных выпусков) и по хронологическому охвату (годовой период). Отметим также, что эфирный продукт круглосуточных информационных каналов является относительно типовым: меняются ведущие и стили их презентации, при этом информация обновляется по мере ее поступления, а иногда дублируется.

В ходе исследования мы использовали методы сравнительного анализа и контент-анализа. Для выведения жанрово-тематических формул мы определили базовые компоненты новостных материалов и предположили, что их комбинация варьируется в зависимости от жанра. Контент-анализ показал их количественное соотношение в различных тематических категориях. В результате мы предложили формулы жанрово-тематической зависимости, отражающие специфику объектов нашего исследования.

Результаты исследования

Проанализировав содержание информационных выпусков на канале Си-эн-эн, мы выделили в них следующие основные тематические категории: политика (70 материалов из 332); «форс мажор»: стихийные бедствия, катастрофы, аварии, вооруженные конфликты (41 материал); криминал и судебные разбирательства (116 материалов); общество и социальные проблемы (74 материала); здоровье (16 материалов); экономика, бизнес и финансы (8 материалов); наука и культура (6 материалов); спорт (2 материала).

К категории *политика* мы отнесли новости, связанные с президентом и его семьей, правительством США, главами штатов, мэрами городов, с внутренней и внешней политикой США, с выборами и предвыборными кампаниями.

В категории *стихийные бедствия, катастрофы и аварии* оказались новости о сильном снегопаде на северо-востоке США, земле-

трясениях, вооруженных конфликтах, авиакатастрофах, крупных авариях и т.д.

Довольно весомая категория *криминал и судебные разбирательства* включает в себя информацию об уголовных преступлениях, поиске преступников, финансовых преступлениях, мошенничестве, судебных исках и длящихся судебных разбирательствах.

Новости о происшествиях некриминального характера (например, внезапное отключение электроэнергии во время финального футбольного матча); событиях общественной значимости (например, развернувшаяся в обществе дискуссия по вопросу торговли оружием или по вопросу расовой дискриминации, дискриминации сексуальных меньшинств); а также просто любопытные человеческие истории (например, репортаж о жителе штата Юта, который в ожидании конца света построил подземный бункер для своей семьи) мы объединили в категорию *общество*.

В категорию *здоровье* вошли новости медицины и советы о том, как вести здоровый образ жизни.

Экономические новости (например, показатели ежегодного потребления бензина или прекращение работы почтовых отделений по субботам), новости бизнеса и биржевых рынков были определены в категорию *экономика, бизнес и финансы*, а в категорию *наука и культура* – информация о научных исследованиях, космических явлениях, новости Голливуда. Спортивная информация (результаты спортивных матчей, достижения спортсменов, жеребьевка предстоящего чемпионата мира по футболу) – в категорию *спорт*.

Жанрово-тематический анализ позволил нам увидеть, в каком соотношении представлена каждая категория (см. табл. 1).

Как видно почти половина всей политической информации представлена в форме информационных сообщений, а стихийные бедствия и катастрофы освещаются в основном в форме выступлений[1] (а именно, прямых включений). Как мы и предполагали, спорт, наука и культура представлены в основном в виде информационных сообщений.

---

[1] Здесь и далее мы следуем жанровой терминологии В.Л. Цвика, однако считаем «прямой репортаж» термином, более точно отражающим природу данного жанра. Отметим также, что трансляция является разновидностью репортажа, но в рамках данной статьи мы рассматриваем ее обособленно, так как жанровые компоненты трансляции, описанные далее в статье, отличаются от компонентов традиционного событийного или проблемного репортажа.

Таблица 1

Жанрово-тематический анализ канала Си-эн-эн

Категория	**Инф. сообщение**		**Выступление**		**Интервью**		**Репортаж**		**Трансляция**	**Комментарий**	**Дискуссия**	**Беседа**	**Инф. фельетон**
	абс	**%**	**абс**	**%**	**абс**	**%**	**абс**	**%**	**абс**	**абс**	**абс**	**абс**	**абс**
Политика	34	48	15	22	11	16	1		1	4	2	2	
Стихийные бедствия	10	24,5	28	68	1		1		1				
Криминал	58	50	21	18	22	19	5		2	8			
Общество	38	51	14	19	11	15	5			1			4
Здоровье	4	25	3	19	8	50	1						
Экономика, бизнес и финансы	5	63	2	25			1	12					
Наука и культура	3	50			1		1						1
Спорт	2	100											

Наибольшее жанровое разнообразие мы обнаружили в категориях *политика, криминал и общество*. Политические и криминальные новости охватывают все жанровые формы. (В нашей выборке нет соответствующих примеров «информационного фельетона», однако мы обнаружили криминальные и политические категории в рамках данной рубрики в других выпусках программы Андерсона Купера. Например, в выпуске от 13 декабря 2011 г. темой рубрики стала кража рождественских дворовых украшений, а сомнительный президентский выбор кандидатов на должности послов в Норвегию и Китай – в выпуске от 29 января 2014 г. Аналогично примеры не представленных в нашей выборке жанров беседы и дискуссии с криминальной тематикой можно

найти, например, в выпусках той же программы от 1 августа и от 13 декабря 2013 г.)[2].

Для проверки результатов мы провели и внутрижанровый анализ по категориям (см. табл. 2). Эти результаты мы представим в виде долевого соотношения каждой тематической категории по жанрам.

Таблица 2

Внутрижанровый тематический анализ канала Си-эн-эн (в % к числу материалов каждого жанра)

Жанр (N=332)	Политика	Стихийные бедствия	Криминал	Общество	Здоровье	Экономика, бизнес	Наука и культура	Спорт
Инф. сообщение (154)	22	6	38	25	3	3	2	1
Выступление (83)	18	34	25	16	4	3		
Интервью (54)	20	2	41	20	15		2	
Репортаж (15)	6,7	6,7	33	33	6,7	6,7	6,7	
Трансляция (4)	25	25	50					
Комментарий (13)	30		62	8				
Дискуссия (2)	100							
Беседа (2)	100							
Инф. фельетон (5)				80			20	

Из таблицы видно, что:

1) большинство информационных сообщений освещают категории «криминал», «политика» и «общество»;

2) большинство выступлений (как правило, прямых включений) происходит во время бедствий и катастроф, а также криминальных преступлений или судебных процессов;

3) интервью, комментарий и прямые трансляции, как правило, посвящены криминальной тематике;

[2] 01.08.2013г. в выпуске «Андерсон Купер 360°» темой беседы с участием четырех экспертов стал приговор «кливлендскому маньяку» Ариэлю Кастро, который похитил трех женщин и удерживал их в своем доме в течение 10 лет. В выпуске от 13.12.2013 г. находим пример дискуссии на криминальную тему – отсутствие жесткого наказания для 16-летнего подростка из богатой семьи, который в состоянии алкогольного опьянения управлял автомобилем и убил четырех человек.

4) в жанре репортажа преобладает криминальная и социальная тематика.

Анализ контента канала «Россия 24» позволил нам выделить сходные категории политики (97 материалов из 280); «форс мажор»: стихийных бедствий, катастроф, аварий и вооруженных конфликтов (59 материалов); криминала (45 материалов); общества (55 материала); науки и культуры (9 материалов); экономики, бизнеса и финансов (3 материала); спорта (12 материалов).

Доминирующий жанр канала – «информационное сообщение». Результаты исследования (см. табл. 3) показывают, что этот жанр примерно в равной степени охватывает все категории (за исключением категории *науки и культуры*). Соответственно, любая из тематических категорий представлена в эфире канала в основном жанром «информационное сообщение».

В ходе анализа мы выяснили, что категории *политика* и *стихийные бедствия* наиболее полно охватывают почти все жанры канала, категории *криминал* и *спорт* лимитированы тремя жанрами (информационное сообщение, выступление и репортаж), а категория *науки и культуры* лишь двумя (информационное сообщение и репортаж, причем почти в равной степени). При этом почти три четверти новостей политики освещаются в жанре информационного сообщения.

Таблица 3

Жанрово-тематический анализ канала «Россия 24»

Категория	**Информационное сообщение**		**Репортаж**		**Трансляция**	**Интервью**	**Выступление**		**Информационная зарисовка**	**Обозрение**
	абс	%	абс	%	абс	абс	абс	%	абс	абс
Политика	74	**76**	11	12		2	8	8	1	1
Стихийные бедствия	41	**69**	12	20	1	3	1		1	
Криминал	29	**64**	13	29			3	7		
Общество	29	**50**	19	35	1	2	4			
Наука и культура	4	45	5	**55**						
Экономика, бизнес и финансы	3	100								
Спорт	5	**42**	5	**42**			2			

Внутрижанровый анализ эфира также показал, что топ-жанры канала (информационное сообщение и репортаж) охватывают все тематические категории (см. табл. 4).

Таблица 4

Внутрижанровый тематический анализ канала «Россия 24» (в % к числу материалов в жанре)

Жанр (N=280)	Политика	Стихийные бедствия	Криминал	Общество	Наука и культура	Экономика, бизнес	Спорт
Инф. сообщение (185)	40	22	15	17	2	1	3
Репортаж (65)	17	18	20	29	8		8
Трансляция (2)		50		50			
Интервью (7)	28,5	43		28,5			
Выступление (18)	47	6	17	24			6
Зарисовка (2)	50	50					
Обозрение (1)	100						

В жанре репортажа лидируют четыре основные категории с перевесом в пользу общественной и криминальной тематики. Жанры выступления и интервью используются на российском канале значительно реже, чем на Си-эн-эн.

Спорт, наука и культура оказались наименее представленными категориями в эфире обоих каналов.

Проведенный сравнительный анализ позволяет нам предположить, что российский и американский информационные каналы сходны в жанровых предпочтениях лишь в освещении политических новостей, где доминируют информационные сообщения и выступления (доля выступлений на Си-эн-эн значительно больше, чем на «России 24»). Присутствие новостей науки и культуры в рамках типового информационного выпуска обоих каналов ничтожно мало.

Во всех остальных тематических категориях доминирующими жанрами «России 24» являются лишь информационное сообщение и репортаж. На Си-эн-эн мы видим большее жанровое разнообразие:

1) стихийные бедствия, катастрофы, аварии освещаются в форме выступлений и информационных сообщений;

2) криминальная информация является одной из наиболее популярных тематических категорий и освещается чаще в форме информационных сообщений, выступлений и интервью;

3) события общественной значимости освещаются в основном в форме информационных сообщений и – реже – выступлений и интервью;

4) медицинская тематика представлена, как правило, жанрами интервью, выступления и информационного сообщения;

5) экономика, бизнес-новости и спорт подаются в форме информационных сообщений и выступлений.

«Сквозными» жанрами на коммерческом канале Си-эн-эн являются информационное сообщение и выступление. Они используются во всех тематических категориях (захватывая также науку и культуру во время, например, таких событий, как пролет астероида или церемония вручения премии Оскар). На государственном канале «Россия 24» «сквозными» оказались информационное сообщение и репортаж.

В условиях жесткой конкуренции и рейтинговой борьбы для американского канала важным фактором становится хронометраж. Жанры, которые требуют больше эфирного времени (выступление, интервью, комментарий), лидируют в категориях стихийных бедствий и катастроф, криминала, политики и медицины. На канале «Россия 24», помимо категорий стихийных бедствий и политики, жанры, предполагающие длинный хронометраж, наблюдаются (в отличие от Си-эн-эн) и в категории общество.

Жанр и тематика: базовые взаимосвязи

Пытаясь ответить на поставленный в начале статьи вопрос о том, существует ли зависимость между выбором жанра и тематикой новостного контента, рассмотрим, что общего между категориями с высокой долей выступлений, интервью и репортажа? Рассматривать жанр информационного сообщения в данном случае мы не считаем необходимым, так как он является базовым (как на Си-эн-эн, так и на «России 24»).

В новостных материалах информационного канала мы предлагаем выделить следующие основные компоненты: **срочность**, **ути-**

литарность информации и **незавершенность действия (события).** Мы не исключаем, что число базовых компонентов может быть и бóльшим, однако на этом этапе нам удалось выделить лишь три. Полагаем, что в дальнейших исследованиях изучение этого вопроса может быть продолжено. Поясним, что мы имеем в виду и почему мы выделяем именно эти компоненты.

Срочность, на наш взгляд, присуща любой информации в режиме срочных новостей (*breaking news*) и неотделима от оперативности. Срочность часто характерна для материалов категории стихийных бедствий (особенно когда происходящее событие является опасным и потенциально угрожающим жизни зрителей), политики, криминала.

Утилитарность информации присуща большинству новостных материалов, особенно в условиях рейтинговой борьбы: для того чтобы заставить зрителя смотреть, его надо заинтересовать какой-либо выгодой, полезностью предлагаемой информации. Диапазон категорий, обладающих способностью вызвать высокую степень заинтересованности зрителя, широк: финансовое благополучие, здоровье, победа политических и социальных интересов зрителя, простое удовлетворение любопытства или повышение уровня осведомленности и т.д. Итак, утилитарность в данном случае – это способность новостного материала вызвать прямую заинтересованность зрителя возможностью использовать его для роста качества повседневной жизни, удовлетворить любопытство либо повысить собственную самооценку. «Утилитарность» мы определяли по присутствию в новости какой-либо «выгоды» для зрителя (медицинской, потребительской, финансовой, политической, социальной и т.д.), удовлетворяющей его интересы. Например, репортаж о жеребьевке в предстоящем чемпионате мира по футболу удовлетворяет спортивные интересы зрителя. Репортаж о ценах на жилую недвижимость – финансовые.

Используя понятие **«незавершенность действия (или события)»** в данной статье, мы отталкиваемся от концепции незавершенных действий в гештальт-психологии, согласно которой незавершенность действия «создает напряженную заряженную систему», которая может реализоваться лишь путем завершения этого действия. [Мазур, 1995]. Аналогично при просмотре остросюжетного сериала или детектива зритель жаждет развязки и не перестает смотреть до тех пор, пока она не наступит. Способность зрителя

на протяжении долгого времени смотреть телевизионное действо в ожидании развязки мы предлагаем условно назвать «сериальной зависимостью». Таким действом в нашем случае является освещение незавершенного события в рамках информационной программы. Как правило, наиболее характерной в данном отношении категорией является криминал. «Незавершенность действия» мы определяли по факту наличия развязки в новостном событии. Например, в интервью, где речь шла о поиске преступника (бывшего полицейского К. Дорнера), «незавершенность действия» очевидна.

Контент-анализ позволил нам количественно отразить присутствие указанных компонентов в длинноформатных жанрах каждого из рассматриваемых каналов. Как мы уже отметили, жанр информационного сообщения в данном случае мы не рассматривали. Также отметим, что материалы сходных жанров при повторах (например, в вечернем эфире) не учитывались. Результаты контент-анализа Си-эн-эн отражены в табл. 5.

Таблица 5

Анализ жанровых компонентов канала Си-эн-эн

Компонент / Жанр	Срочность	Утилитарность	Незавершенность действия
Выступление	23	49	28
Репортаж	0	12	5
Интервью	1	44	22
Комментарий	1	8	4
Дискуссия	0	2	0
Беседа	0	2	0
Прямая трансляция	2	2	2

Данные результаты позволяют нам предположить следующее:

1) чем выше концентрация всех трех компонентов – степени срочности происходящего события, утилитарности и незавершенности действия – тем выше вероятность использования жанра выступления или прямой трансляции;

2) чем выше степень утилитарности и степень незавершенности действия, тем выше вероятность использования жанров интервью, репортажа или комментария;

3) для дискуссии и беседы оказалось достаточным лишь наличие утилитарности материала (возможно, показатель был бы иным при более широком присутствии материалов данных жанров в выборке).

Для простоты обозначим утилитарность новости как УН, а незавершенность действия как НД. Тогда мы можем предложить следующие жанрово-тематические формулы (см. табл. 6):

1) Срочность + УН + НД = Выступление/Прямая трансляция
2) УН + НД = Интервью/Комментарий/Репортаж
3) УН = Дискуссия/Беседа

Таблица 6

Жанрово-тематические формулы на канале Си-эн-эн

Компоненты / Жанры	УН	НД	Срочность
Беседа/Дискуссия			
Интервью/Комментарий/Репортаж			
Выступление			
Прямая трансляция			

Итак, базовым компонентом тематики в жанрах длинного формата является утилитарность новости. Помимо этого, незавершенность действия и срочность являются необходимыми условиями прямой трансляции или выступления. Интересно отметить, что эти два жанра наиболее популярны в режиме «срочных новостей». Этому режиму присущи срочность, оперативность, часто в комбинации с незавершенностью события и утилитарностью материала. Новости общепознавательного характера на американском канале (наука, культура и большая часть информации в категории «общество») освещаются преимущественно в форме информационных сообщений и занимают меньше эфирного времени.

Результаты аналогичного анализа новостных материалов государственного канала «Россия 24» отражены в табл. 7.

Таблица 7

Анализ жанровых компонентов канала «Россия 24»

Компонент / Жанр	Срочность	Утилитарность	Незавершенность действия
Выступление	4	16	4
Репортаж	11	50	28
Интервью	2	7	0
Обозрение	0	1	0
Прямая трансляция	2	2	0

Данные результаты позволяют нам предположить следующее:

1) чем выше концентрация всех трех компонентов – степени срочности происходящего события, утилитарности и незавершенности действия, – тем выше вероятность использования жанров репортажа или выступления;

2) чем выше степень утилитарности и степень срочности, тем выше вероятность использования жанра интервью на канале «Россия 24»;

3) для прямой трансляции характерно лишь присутствие срочности и утилитарности;

4) для обозрения – лишь утилитарность новостного материала.

Таким образом, жанрово-тематические формулы канала «Россия 24» отличаются от формул Си-эн-эн и выглядят так:

1) УН = Обозрение

2) УН + Срочность = Интервью/Трансляция

3) УН + Срочность + НД = Репортаж/Выступление

Таблица 8

Жанрово-тематические формулы на канале «Россия 24»

Компоненты / Жанры	УН	Срочность	НД
Обозрение			
Интервью/Трансляция			
Репортаж/Выступление			

Как видно, базовым слагаемым формул на «России 24», как и на Си-эн-эн, является утилитарность. Это вполне логично – для того чтобы у любого канала были зрители (и рейтинг), их надо заинтересовать. Этим объясняется весомое присутствие и разножанровость информации в категории «общество» (на «России 24» в большей степени, чем на Си-эн-эн).

Далее заметна существенная разница между двумя каналами: вторым слагаемым на «России 24» выступает срочность, а незавершенность действия, способная вызвать у зрителя «сериальную зависимость», является лишь третьим (а не наоборот, как на Си-эн-эн). На наш взгляд, этим можно объяснить бóльшую степень информационной сенсационности, характерную для частной формы собственности канала Си-эн-эн, а также общие тенденции инфотейнмента и таблоидизации, характерные для американской тележурналистики начала XXI века [Макеенко, 2006]. В условиях жесткой конкуренции (с которой пока серьезно не сталкивается «Россия 24») и борьбы за рекламодателя американский канал вынужден использовать такие методы, как многократное обращение к криминальной тематике (для которой в первую очередь и характерна «сериальная зависимость»), с целью привлечь и удержать зрителя. Также следует иметь в виду, что каналы-конкуренты Си-эн-эн, как правило, используют ту же тактику, поэтому отказаться от столь глубокого освещения криминальных сенсаций руководство канала пока не сочло возможным.

Сравнительный анализ двух каналов выявил совпадение формул выступления, частичное совпадение формул интервью и противоположность формул репортажа. Интервью на Си-эн-эн обладает большей степенью сенсационности и меньшей степенью официозности, чем на отечественном канале. Во многих случаях анализируется криминальная тематика, что объясняет уже описанное выше отличие второго слагаемого в формуле интервью.

Двукомпонентность формулы репортажа на Си-эн-эн не вызывает удивления, так как использование этого жанра в эфире довольно ограничено. Здесь под влиянием высокого присутствия криминальной тематики мы вновь видим незавершенность действия в качестве второго слагаемого. Вместе с тем высокая популярность выступления на Си-эн-эн объясняет и многосложную формулу этого жанра (которая совпадает с формулой прямой трансляции).

В эфире государственного канала «Россия 24» жанр выступления используется реже, однако его формула является единственным случаем совпадения с Си-эн-эн. «Сквозной» жанр репортажа, соответственно, объясняется максимальным количеством слагаемых в его формуле. Интересно, что прямая трансляция на отечественном канале сходна с формулой интервью и занимает промежуточное положение между выступлением и репортажем.

Выводы

В ходе исследования мы смогли решить поставленные задачи и сделать следующие выводы:

1. Основные тематические категории для обоих каналов оказались сходными (криминал, общество, политика, форс мажор), однако в разном соотношении: для Си-эн-эн в условиях высокой конкуренции очевидна ставка на криминальную тематику (треть нашей выборки), в то время как для «России 24» очевидно преобладание (также треть выборки) политики (в основном это кремлевская хроника). Наука и культура, экономика и бизнес, спорт в рамках основных информационных выпусков на обоих каналах освещаются поверхностно и, как правило, в форме информационного сообщения.

2. В жанрах длинного формата (интервью, комментарий, дискуссия, беседа, выступление, обозрение, репортаж) на канале Си-эн-эн вновь доминирует криминальная тематика. На «России 24» – в равном соотношении политика, общество, форс-мажор.

3. Исследование позволило обнаружить связь между тематикой новостного материала и жанром, в котором он предлагается зрителям информационного телеканала. Выявить и объяснить эту связь мы смогли через основные слагаемые предлагаемых нами жанрово-тематических формул – срочность, незавершенность действия и утилитарность новости.

4. Несмотря на идентичность самих слагаемых, мы выявили лишь одно полное совпадение в жанровых формулах рассматриваемых каналов (в жанре выступления). В остальном сходный формат круглосуточного информационного вещания оказывается весьма различным в американском и российском вариантах. Одним из главных отличий при выборе жанра является приоритет незавершенности действия, способной вызвать у зрителя «сериальную зависимость» над срочностью, характерный для Си-эн-эн,

что приводит к преобладанию сенсационности в эфире канала. Для «России 24» незавершенность действия является вариативным компонентом только двух жанров.

5. Нам также удалось определить и общие закономерности в отборе контента и в жанрово-тематической структуре исследуемых каналов. Несмотря на разность национальных традиций тележурналистики, основным компонентом новостных материалов в опыте обоих каналов является утилитарность информации, напрямую апеллирующая к привлечению зрительского внимания за счет «полезности» информации или удовлетворения любопытства зрителя. Как правило, утилитарностью обладают материалы социальной и политической тематики. Наше исследование показало, что именно эти тематические категории входят в тройку наиболее популярных на обоих каналах.

6. Полагаем, что в дальнейших исследованиях полученные нами результаты можно будет использовать для более глубокого изучения влияния формы собственности канала на жанрово-тематическую составляющую контента. При этом важно будет учитывать факторы рейтингов и конкуренции и рассматривать несколько частных и государственных информационных каналов в качестве объектов исследования.

Список литературы

Дэннис Э., Мэррилл Дж. Беседы о масс-медиа: пер. с англ. М.: Вагриус, 1997.

Кавелти Дж. Изучение литературных формул. [Электронный ресурс]. URL: http://culturca.narod.ru/Cavelty1.htm

Мазур Е.С. Концепция незавершенных действий в гештальт-терапии // Гештальт-95. Сб. материалов Московского гештальт-института. М.: МГИ, 1995.

Макеенко Е.И. Тенденции развития телевидения США в начале XXI века: 2001–2006 гг. // автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. М., 2006.

Орлова Н.В. Жанр и тема: об одном основании типологии // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 3. Саратов, 2002.

Сибирякова И.Г. Тема и жанр в разговорной речи // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. Саратов, 1997.

Тырыгина Н.В. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса / отв. ред. *Н.С. Бабенко.* М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: История. Теория. Практика. М.: Аспект-пресс, 2004.

Чобанян К.В. Жанровые приоритеты современного информационного телеканала (на примере каналов Си-эн-эн и «Россия 24») // Медиаскоп. 2015. № 3.

Шмелева Т.В. Жанры в современной медиасфере // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Саратов; М.: Изд-во «Лабиринт», 2012.

Francis G. Theme in the Daily Press // Occasional Papers in Systematic Linguistics. Amsterdam, 1990. Vol. 4. № 1.

Fries P. Theme, Methods of Development and Texts // On Subject and Theme: A Discourse Functional Perspective. Amsterdam, 1995.

Поступила в редакцию
05.06.2015

СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Л.В. Матвеева, доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: matweewa-com@yandex.ru
Т.Я. Аникеева, кандидат психологических наук, ассистент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: matweewa-com@yandex.ru
Ю.В. Мочалова, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: matweewa-com@yandex.ru
Е.Е. Петракова, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: matweewa-com@yandex.ru
А.Г. Макалатия, старший научный сотрудник кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: matweewa-com@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ[1]

В работе обсуждаются результаты исследования восприятия и идентификации испытуемыми базовых эмоциональных состояний, переживаемых персонажами, представленными в видеофрагментах. Видеофрагменты предъявлялись испытуемым крупным планом с монитора компьютера. Дифференцирующими показателями для групп испытуемых являются пол, экстраверсия/интроверсия. Оценка эмоционального состояния персонажа видеофрагмента осуществлялась испытуемыми по методике «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда, состоящей из 30 позиций, по 5-ти балльной шкале. В результате было выявлено, что эмоциональное состояние, демонстрируемое испытуемому, идентифицируется им как сочетание нескольких основных и дополнительных эмоций. Наибольшую компетентность в идентификации эмоциональных переживаний показали испытуемые подгруппы экстравертов.

Ключевые слова: *идентификация эмоциональных состояний, базовые эмоции, опосредствованная коммуникация, экстраверсия – интроверсия.*

The article presents the study of how respondents perceive and identify the basic emotional states of characters presented in video clips. The clips were demonstrated for respondents on the PC screen. The discriminating indicators for the explored groups were sex and extraversion /introversion. The respondents evaluated characters' emotional states on the basis of Izard's "Differential emotions scale" (5-ball scale, 30 positions). The authors have detected that emotional state demonstrated to respondent is being identified as a combination of several basic and additional

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Критерии и индикаторы воздействия анимации и компьютерных игр на психику детей разного возраста», № 15-06-10814.

emotions. The extroverts have demonstrated themselves being the most competent in emotional experiences identification.

Key words: *emotional states identification, basic emotions, mediated communication, extraversion – introversion.*

Введение

Большинство психологических теорий относят эмоции к базовым факторам, обеспечивающим, регулирующим и порождающим как развитие индивида, так и коммуникативные взаимодействия разного характера. Согласно К. Изарду [Изард, 1980], эмоции включают три компонента: нейрофизиологическое функционирование, мимическую деятельность и субъективное переживание. В коммуникативной деятельности влияние эмоций виртуального коммуникатора на аудиторию наиболее существенно. Лицо человека является самым важным социальным стимулом. Начиная уже с трехмесячного возраста, ребенок реагирует на выражение человеческого лица, а переживания доверия и привязанности опосредуются зрительным контактом, фиксирующим выражение человеческого лица.

Бурное развитие информационно-коммуникативных технологий привело к тому, что между людьми создается искусственное пространство визуального взаимодействия, где главным сигналом является крупный план лица и фиксация на выразительной составляющей состояния человека.

Мы поставили перед собой задачу изучить особенности восприятия эмоциональных состояний человека с монитора компьютера или телеэкрана.

Научная разработанность проблемы

Качественные характеристики эмоций, такие как знак (положительный или отрицательный) и модальность (например, удивление, радость, отвращение, негодование, тревога, печаль) хорошо передаются в общении. В то же время об оценочной функции эмоций, наряду с функциями побуждения, предвосхищения, активации, писал В. Вилюнас [Вилюнас, 1976]. В экспериментах Шлосберга (1941) испытуемые оценивали эмоциональное выражение лица человека на фотографии по двум девятибалльным шкалам: «удовольствие – неудовольствие» и «приятие – отталкивание». Представленные на плоскости результаты образовали круговую траекторию (см. рис. 1).

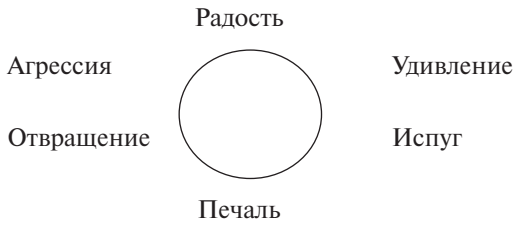

Рис. 1. Эмоциональное выражение лица человека

Приняв во внимание факт связи эмоций с уровнем активации организма в системе «сон – бодрствование» Шлосберг преобразовал эту модель в цилиндрическую. Вертикальное измерение получило название «сон – возбуждение».

П.Экман по критерию универсальности способа мимического выражения выделяет шесть фундаментальных эмоций – 1) гнев; 2) отвращение; 3) страх; 4) радость; 5) печаль; 6) удивление [Экман, 1999]. Он также утверждает, что предложенные Шлосбергом измерения «сон – возбуждение» и «приятие – отталкивание» не являются независимыми.

Р. Плучек предложил рассматривать базовые эмоции как комплексные реакции организма, соответствующие базовыми адаптивным процессам, направленным на согласование организма со средой. Испуг рассматривается ученым как разновидность ориентировочной реакции – ответ на незнакомое воздействие.

Большинство авторов отмечают тенденцию эмоций взаимодействовать друг с другом. Н. Фрижда предложил называть взаимодействующие друг с другом эмоции, возникающие у человека по поводу определенного события, эмоциональным эпизодом [Frijda, 1994].

Каждая из десяти эмпирически идентифицированных К. Изардом фундаментальных эмоций – 1) интерес; 2) радость; 3) удивление; 4) горе; 5) гнев; 6) отвращение; 7) страх; 8) стыд; 9) презрение; 10) вина – обладает, как он утверждает, свойственной именно ей адаптивной функцией и уникальными мотивационными качествами, исключительно важными и для каждого индивида и для всего вида. Эмоции называются фундаментальными, поскольку каждая из них имеет: а) специфический внутренне детерминированный нервный субстрат, б) характерные мимические или нервно-мышечные выразительные комплексы, в) отличающееся субъективное переживание или феноменологическое качество. Ни один из этих трех компонентов не образует эмоцию самостоятель-

но. Целостная эмоция (или полный эмоциональный процесс) требует всех трех компонентов, хотя в одном из них – выразительном комплексе – и продолжительность, и интенсивность ослабляются социализацией [Вилюнас, 2006, с. 240]. Воспитание может влиять на интенсивность и длительность выражения эмоций – как в ситуации общения человека с другими, так и наедине с самим собой. На основании своей дифференциальной теории эмоций К. Изард разработал методику ситуационной идентификации эмоциональных состояний человека «Шкала дифференциальных эмоций».

В работах В.А. Барабанщикова и его соавторов тщательно анализировались особенности восприятия эмоций по выражению лица [Барабанщиков, Малкова, 1981; Барабанщиков, Носуленко, 2004]. В частности, в работе А.А. Демидова, выполненной под руководством В.А. Барабанщикова, анализировалась адекватность восприятия индивидуально-психологических особенностей людей, произносящих эмоционально нейтральную фразу, посредством предъявления видеозаписей с экрана компьютера [Барабанщиков, Демидов, 2009]. А. Жежелевская изучала степень точности восприятия различными группами людей эмоционально произнесенных дикторами фраз на немецком языке. Наиболее точно воспринимали эмоциональное состояние дикторов люди, изучающие немецкий язык, а также актеры. Однако в нашей работе было важно выявить, как осуществляется идентификация эмоциональных состояний в ситуации опосредствованного общения. [Жежелевская, Жегалло, Подпругина, 2014].

Информационный поток средств массовой коммуникации (СМК) воздействует на человека на разных уровнях, начиная с биофизического уровня (ритм и темп воздействия гармоники) и заканчивая уровнем категоризации картины мира человека. Один из важнейших, или базовых уровней, это эмоциональный уровень воздействия. В.М. Бехтерев писал о проявлении эмоционального резонанса в толпе людей и феномене индукции. Исследуя восприятие людьми эмоциональных состояний, переживаемых человеком на экране, мы, таким образом, изучаем феномен воздействия СМК на человека.

Эмоциональная сфера мужчин и женщин различается, и предположительно у экстравертов и интровертов тоже (Г. Айзенк) в связи с разным уровнем активации нервной системы.

В статье представлены результаты исследования, целью которого является изучение процесса восприятия и распознавания (идентификации) эмоциональных состояний человека в опосредствованной (в данном случае – визуальной, телевизионной) коммуникации.

В телевизионном взаимодействии невербальные средства общения несут значительную смысловую нагрузку по причине технического опосредствования контакта со зрителем. В этих условиях один отдельно взятый жест может представлять собой самостоятельное целостное коммуникативное действие. Восприятие и идентификация эмоциональных состояний входит как одно из необходимых звеньев в коммуникативную деятельность человека и является основой для понимания мотивации, установок и уровня искренности партнера по взаимодействию. Существует несколько каналов, по которым человек может проявлять свои эмоции в коммуникации. В случае опосредствованной коммуникации, когда мы имеем дело с экранным изображением эмоционального переживания, основными невербальными каналами являются мимика, позы и жесты человека. Контекст невербальному поведению человека задается предметной ситуацией общения, «семантикой действия» (понятие Б.Г. Ананьева) коммуникатора.

Методика проведения эксперимента

Экспериментальный материал представлял собой записи 9 фрагментов (сюжетов) семи реальных телевизионных передач (ток-шоу) и двух современных кинофильмов, предварительно отобранных пятью экспертами – профессиональными психологами, специализирующимися в области изучения массовой коммуникации. Видеофрагменты демонстрировали людей, находящихся, по мнению экспертов, в одном из базовых эмоциональных состояний (по классификации К. Изарда и Г. Шлосберга), а именно: 1) видеофрагмент A – спокойствие; 2) B – отвращение; 3) C – удивление; 4) D – интерес; 5) E – страх; 6) F – смущение; 7) G – печаль; 8) H – агрессия; 9) I – радость. При восприятии человека с монитора компьютера испытуемому в нашем исследовании были доступны оптическая знаковая система невербального самовыражения личности, включая позу, жестикуляцию, мимику, а также прическу, одежду человека и визуальный фон студии, а в ряде экспериментальных случаев и акустическая семиотическая система. В нашем случае мы имеем дело не просто с эмоциональным состоянием человека, которое воспринимается в процессе его проживания и прочувствования, а с видеозаписью определенного эмоционального состояния, которое наблюдатель (испытуемый) воспринимает и идентифицирует в результате просмотра с монитора компьютера. Можно предположить,

что эта ситуация может накладывать определенные ограничения на способность человека правильно идентифицировать модальность эмоции.

В нашем исследовании мы задействовали методику идентификации эмоциональных состояний людей с экрана с помощью метода балльных оценок *(метод числовых шкал)*. Метод числовых шкал в качестве разновидности метода балльных оценок представляет собой реализацию известной в психофизике восприятия рейтинговой процедуры порядкового шкалирования [Измайлов, Михалевская, 1982; Guilford, 1954]. В исследовательской процедуре испытуемым предлагается приписать каждому экспериментальному стимулу соответствующее число. В отличие от физиологических методов фиксации эмоциональных состояний эта исследовательская процедура позволяет получить одномоментный срез целой палитры текущих эмоциональных переживаний человека. В нашем исследовании была задана числовая шкала от 0 до 5, по которой испытуемые оценивали выраженность эмоциональных состояний персонажа в предлагаемом видеофрагменте.

Каждый из девяти дважды полностью просмотренных видеофрагментов (всего 576 предъявлений) оценивался испытуемыми по методике «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда, состоящей из 30 позиций (см. рис. 2). Эта методика представляет собой набор прилагательных, описывающих эмоциональные состояния человека, и дает возможность получить профиль показателей ситуативной интенсивности эмоций персонажей, выраженных, по мнению испытуемого, в конкретном видеофрагменте. Время оценки эмоционального состояния персонажа видеофрагмента не ограничивалось, испытуемый сам вызывал следующий стимул нажатием определенной кнопки на клавиатуре компьютера.

В исследовании принимало участие 32 человека, которые были специально отобраны по параметрам: пол, возраст, экстраверсия-интроверсия. Выбор параметров основывался на данных о различии эмоциональной сферы у мужчин и женщин, а также у экстравертов и интровертов [Айзенк, 1999; Собчик, 2003]. Перед началом основного исследования испытуемые проходили тестирование по методике Г. Айзенка для определения показателей экстраверсии-интроверсии. При обработке результатов испытуемые последовательно были разделены на 4 подгруппы: мужчины (16 человек), женщины (16 человек), экстраверты (10 человек), интроверты (10 человек). Интровертированность, согласно Л.Н. Собчик

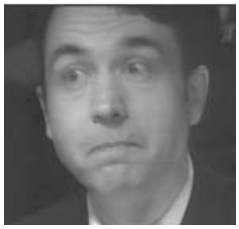
[Собчик, 2003, с.69], проявляется как сниженная внешняя реактивность при одновременно более богатой интрапсихической активности и высокой рефлексивности. Экстравертированность проявляется склонностью к широким социальным контактам, двигательной раскрепощенностью при отсутствии тенденции к самоанализу.

Сюжет A
Спокойствие

Сюжет B
Отвращение

Сюжет C
Удивление

Сюжет D
Интерес

Сюжет E
Страх

Сюжет F
Смущение

Сюжет G
Печаль

Сюжет H
Агрессия

Сюжет I
Радость

Рис. 2. Видеофрагменты

Результаты и обсуждение

По результатам шкалирования испытуемыми эмоциональных состояний персонажей четырех из предложенных видеофрагментов (B – отвращение; E – страх; H – агрессия; I – радость) был проведен количественный и качественный сравнительный анализ. Статистическая обработка результатов осуществлялась последовательно, по подгруппам, сформированным по признакам пола, возраста (моложе 35 лет, старше 35 лет), экстраверсии/интроверсии.

По результатам статистической обработки при сравнении данных по подгруппам с использованием критерия Манна-Уитни получено:

- оценки подгрупп экстравертов и интровертов статистически значимо различаются (уровень значимости $p \leq 0.05$) при оценке испытуемыми эмоционального состояния персонажей видеофрагментов B («отвращение»), E («страх»), H («агрессия») и I («радость»);
- значимых различий в подгруппах мужчин и женщин при идентификации эмоционального состояния персонажей данных видеофрагментов не выявлено ($p > 0.1$). Оценки испытуемых разного возраста также сходны ($p > 0.1$).

Таким образом, гендерных и возрастных различий при идентификации отдельных эмоциональных состояний человека в экспериментальной ситуации не выявлено. Распознавание перечисленных эмоций значимо различается у экстравертов и интровертов.

Качественный анализ результатов показывает, что экстраверты дают более выраженные балльные оценки эмоциональных состояний в сравнении с интровертами. Экстраверты также задействуют больше категорий (из тридцати предложенных в шкале Изарда) при идентификации эмоциональных состояний в сравнении с интровертами. Кроме того, они чаще называют эмоции, выделенные экспертами – профессиональными психологами. Ниже представлен подробный анализ восприятия двух эмоциональных состояний: радости как примера положительной эмоции и страха как примера отрицательной.

Оценка эмоционального состояния персонажа видеофрагмента «радость» испытуемыми шести подгрупп

При восприятии данного видеофрагмента испытуемые всех подгрупп оказались весьма единодушны в определении эмоционального состояния персонажа: по их мнению, он «счастливый», а также «радостный» и «наслаждающийся» (кроме группы интровертов), и еще «внимательный» (кроме групп молодых мужчин и интровертов). Кроме того, как молодые женщины, так и экстраверты определили его как «застенчивого», испытуемые группы экстравертов как «изумленного», испытуемые групп мужчин старшего возраста и экстравертов как «удивленного» (см. также рис. 3, 4).

Рис. 3. Оценка эмоционального состояния человека в видеосюжете I экспертами-экстравертами по 30-балльной шкале Изарда

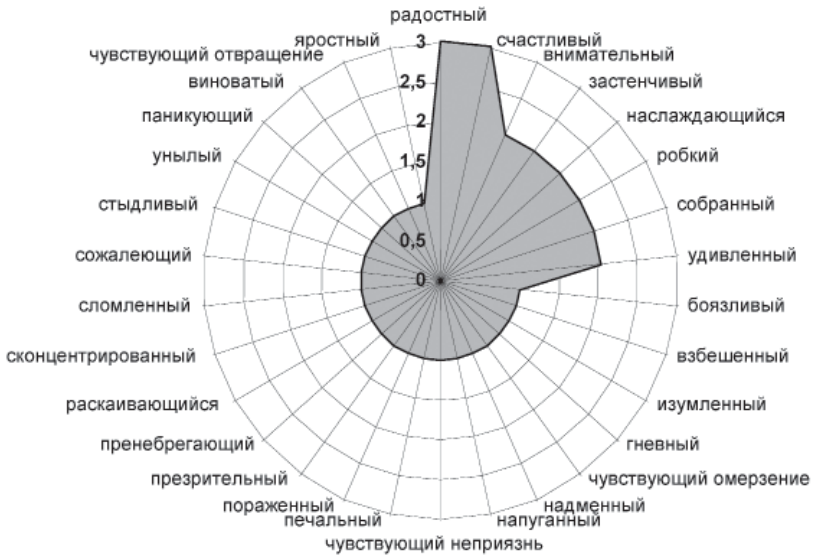

Рис. 4. Оценка эмоционального состояния человека в видеосюжете I экспертами-интровертами по 30-балльной шкале Изарда

Анализируя вышеприведенные диаграммы, нетрудно заметить, что при оценке какого-либо эмоционального состояния человека, респонденты выделяют в нем не одну, а несколько эмоций. В данном случае это в порядке убывания балльных оценок: радость, счастье, наслаждение, изумление. Таким образом, эмоциональное переживание другого человека воспринимается как «паттерн эмоций», в терминологии Изарда, или – на образном языке – за ведущей эмоцией тянется «шлейф» других, более или менее близких по содержанию эмоциональных состояний.

Оценка эмоционального состояния персонажа видеофрагмента «страх»

При восприятии данного видеофрагмента испытуемые всех подгрупп оказались также довольно единодушны в определении эмоционального состояния персонажа: по их мнению, он «напуганный» и «паникующий». Кроме того, испытуемые групп мужчин и женщин моложе 35 лет, мужчины старшего возраста и экстра-

верты считают его «боязливым», а испытуемые группы женщин старшего возраста еще и «пораженным» (см. рис. 5, 6).

Здесь мы наблюдаем ту же картину, что и в предыдущем случае – испытуемые идентифицируют ряд эмоций в состоянии персонажа, выделяя при этом несколько ведущих и несколько дополнительных.

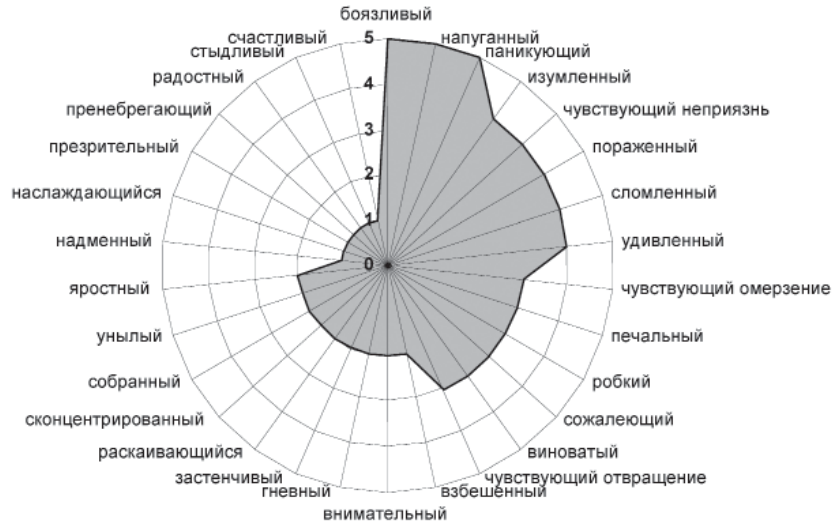

Рис. 5. Оценка эмоционального состояния человека в видеосюжете Е экспертами-экстравертами по 30-балльной шкале Изарда

Рис. 6. Оценка эмоционального состояния человека в видеосюжете Е экспертами-интровертами по 30-балльной шкале Изарда

Здесь мы наблюдаем ту же картину, что и в предыдущем случае – испытуемые идентифицируют ряд эмоций в состоянии персонажа, выделяя при этом несколько ведущих и несколько дополнительных. Этот же феномен мы наблюдали также и при идентификации эмоциональных состояний экспертами – психологами. Часть из эмоциональных состояний, переживаемых персонажами, были интерпретированы экспертами однозначно, с помощью одного слова-категории, обозначающего соответствующую эмоцию (такие как радость, страх, удивление, отвращение, смущение), а другие не столь однозначно, с помощью двух-трех слов (такие как спокойствие, внимательное слушание, печаль; вовлеченность, интерес, активность; печаль, подавленность, пассивность; агрессия, раздражение, азарт).

Согласно ранее полученным данным [Винтерхофф-Шпурк, 2007; Матвеева и др., 2004] испытуемые (зрители) воспринимают ситуацию предъявления с экрана человека, переживающего эмоциональное состояние, как коммуникативную ситуацию, ситуацию общения, по аналогии с межличностным. Можно предположить, что экстраверты в ситуации опосредствованной коммуникации склонны идентифицировать эмоцию, переживаемую персонажем видеофрагмента, как более ярко выраженную. Тогда статистически значимое различие в балльных оценках, со сдвигом к максимуму в случае экстравертов (видеофрагмент «радость»), может объясняться большей уверенностью экстравертов в правильности осуществленного распознавания или же резонансной по сути эмпатической реакцией на предъявляемое эмоциональное состояние другого человека в опосредствованной коммуникации.

Процесс восприятия и идентификации эмоциональных переживаний с монитора компьютера имеет свою специфику по сравнению с восприятием эмоций в ситуации непосредственного межличностного контакта: обнаруживается усиление смысловой коммуникативной составляющей в эмоциях, дополнительно приписываемых испытуемыми героям видеофрагментов. Эти эмоции можно назвать коммуникативными. Они описывают отношение зрителя к человеку на экране или ожидаемое зрителем отношение к себе человека на экране. Другими словами, можно сказать, что как только лицо человека на телеэкране или мониторе компьютера начинает выражать какую-либо эмоцию, то есть перестает быть эмоционально нейтральным в восприятии зрителя, то зритель

ощущает себя оказавшимся в ситуации коммуникации. К подобному заключению приходят и В.А. Барабанщиков и В.Н. Носуленко: «восприятие экспрессии лица по фотографии имеет форму не только чувственного познания (отображения экспрессивного паттерна коммуниканта), но и непосредственного общения (взаимообмена информацией, состояниями и действиями)» [Барабанщиков, Носуленко, 2004, с. 441].

Процесс восприятия эмоций другого человека является сложным по своей природе и представляет собой целый комплекс личностной децентрации, понимания, проекции, идентификации, дифференциации и «вчувствования», по терминологии русского философа И.А. Ильина [Ильин, 1993], а также оценки соотношения базовых эмоций в конкретном образе человека, переживающего на экране определенное эмоциональное состояние. Выделяется комплекс ведущих эмоций, комплекс фоновых эмоций и комплекс эмоций, характерных для одной из групп людей (что сопоставимо с данными Н. Фрижды [Frijda,1994]). В этом смысле восприятие эмоций может быть соотнесено с восприятием музыкального созвучия (аккорда), где есть основные и дополнительные тона и обертоны. В этой связи можно порекомендовать создателям телевизионных программ быть более аккуратными и корректными при обращении к эмоциональной составляющей экранного действия, например, с переживаниями героя передачи, в особенности, если эти переживания имеют негативный оттенок: исходя из полученных нами данных, можно предположить, что зрители, воспринимая соответствующее эмоциональное состояние экранного персонажа, атрибутируют ему, помимо основной, явно выраженной, также и ряд дополнительных негативных эмоций. При этом зритель, ощущая себя оказавшимся в ситуации коммуникации, порождает ответные негативные эмоции, которые могут находить дальнейшую «разрядку» в межличностном взаимодействии в его реальной жизненной ситуации, что может порождать процессы «невротизации» в обществе.

По результатам качественного анализа выявлены различия в восприятии эмоций по подгруппам: подгруппа мужчин достаточно быстро и однозначно идентифицирует ведущую эмоцию и, как правило, не приписывает дополнительных эмоций героям сюжета; подгруппа женщин в предлагаемом эмоциональном переживании выделяет больше эмоциональных составляющих, т.е.

образ эмоционального переживания у них более сложный. В целом наибольшую компетентность в идентификации эмоциональных переживаний показали испытуемые подгруппы экстравертов.

Выводы

1. Выявлено статистически значимое различие в идентификации эмоциональных состояний у испытуемых подгрупп экстравертов и интровертов. При этом бóльшую компетентность в идентификации эмоциональных переживаний показали испытуемые подгруппы экстравертов. В то же время гипотеза о возникновении при этом у экстравертов более выраженного по сравнению с интровертами эмпатийного отклика («эмоционального резонанса» в терминологии В.М. Бехтерева) требует дополнительной проверки.

2. Распознавая чувства, эмоции и эмоциональные состояния человека на экране, зрители выделяют 1) фигуративную компоненту, представленную одной из базовых эмоций; 2) фоновую – состоящую из набора «обертонов» других базовых эмоций; 3) специфическую – характерную для определенных групп зрителей.

3. Выявлены различия в восприятии эмоций испытуемыми разных подгрупп. Мужчины быстро и однозначно идентифицируют ведущую эмоцию и не приписывают дополнительных эмоций героям видеофрагмента; женщины, в свою очередь, формируют более сложный и богатый образ эмоционального переживания.

Рекомендации

1. Умение распознавать эмоции, в том числе предъявляемые в ситуации опосредствования, является одним из показателей эмоционального интеллекта, который, в свою очередь, позволяет человеку быть эффективным организатором коммуникативных процессов. Для журналистов данное умение является важной профессиональной компетенцией, которую можно и нужно развивать (посредством практикумов, тренингов и т.д.)

2. Воспринимая эмоциональную экспрессию человека на экране или мониторе компьютера, испытуемый (зритель) ощущает себя оказавшимся в ситуации коммуникации. При этом по-

вышение «эмоционального градуса» коммуникации в условиях замкнутого внутреннего пространства телевизионной студии приводит не только к повышению «рейтинга» подобных передач (обычно в жанре ток-шоу), но также к тому, что эмоциональный накал коллективных обсуждений «выплескивается» через экран на зрителей. Создается ситуация «провокации скандала», особенно если просмотр телепередачи происходит у зрителей в кругу семьи, так как это предполагает возможность идентификации ее членов с противоположными позициями участников студийной дискуссии. В этой связи можно порекомендовать создателям телевизионных программ быть более аккуратными и корректными при обращении с эмоциональной составляющей экранного действия.

3. На фоне повышенного уровня эмоциональных переживаний, который может провоцировать телевизионная коммуникация – в случае включения у зрителей механизмов эмоциональной идентификации и заражения, – снижается рефлексивная составляющая зрительского восприятия, а также степень критичности оценки, воспринимаемой ими с экрана информации. В этом случае журналисты – авторы и организаторы коммуникации как непосредственной в студии, так и опосредствованной, с телезрителями – оказываются в ситуации повышенной ответственности за результат эфира на полюсе зрителя, а именно за качество когнитивной переработки им информации. Это подразумевает необходимость актуализации рефлексивных способностей авторов по отношению к воздействию телепередачи на зрителя как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне.

Список литературы

Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб: Ювента; М.: КСП+, 1999.

Барабанщиков В.А., Демидов А.А. Динамика восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в микроинтервалах времени // Психология. М.: Высшая школа экономики, 2008. Т. 5. № 2. С. 109–116.

Барабанщиков В.А., Малкова Т.Н. Исследование восприятия эмоционального состояния человека по выражению лица // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 121–132.

Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН, 2004.

Вилюнас В.К. Психология эмоций. СПб: Питер, 2006.

Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.

Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Основные принципы / Пер. с нем. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007.

Жежелевская А.А., Жегалло А.В., Подпругина В.В. Точность распознавания эмоциональной экспрессии в устном иноязычном сообщении и ее взаимосвязь с профессиональной деятельностью // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 28–43.

Изард К. Эмоции человека. М., 1980.

Измайлов Ч.А., Михалевская М.Б. Общий практикум по психологии. I. Общая психометрика. М.: МГУ, 1982.

Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М., 1993.

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-холдинг, 2004.

Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб: Речь, 2003.

Экман П. Психология лжи. СПб: Питер, 1999.

Frijda N.H. Varieties of affect: emotions and episodes, moods, and sentiments // The nature of emotion. Fundamental questions / Ed. by *P. Ekman, R.J. Davidson*. New York, 1994.

Guilford J.R. Psychometric methods. N.-Y., Toronto, London: Mc-Grow-Hill, 1954.

Поступила в редакцию
15.01.2015

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

М.С. Савельева, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры факультета международной журналистики МГИМО (У) МИД России; e-mail: savelyeva.mgimo@gmail.com

ПРИЗНАКИ СБЛИЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ» И ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЭСТЕТИКИ (НА ПРИМЕРЕ КРИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ О ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА)

Острая дискуссия в российской литературной критике между сторонниками и противниками постмодернизма как литературного направления пришлась на конец 1980-х – 1990-е годы. На сегодняшний день позиции ее прежних участников стали более взвешенными. Известно, что творчество А. Битова как пограничное явление между двумя эстетическими системами (постмодернистской и «традиционалистской») использовали для аргументации своих точек зрения представители и того, и другого лагеря. На примере взаимоотношений этого писателя с критикой постмодернизма в статье показаны черты сближения «традиционалистского» и постмодернистского дискурсов.

Ключевые слова: *А. Битов, В. Курицын, дискуссия о постмодернизме, литературная критика.*

Active discussion in Russian literary criticism between proponents and opponents of postmodernism as the literary trend has happened at the end of 1980-s – in 1990-s. Today the positions of it's former participants are more deliberated. It's well known, that texts by A. Bitov were used for argumentation of their points of view by critics of the both (postmodernist and traditionalist) sides. On the example of relations of this author with postmodernist criticism the article shows the features of convergence between "traditionalist" and postmodernist discourses.

Key words: *A. Bitov, V. Kuritsyn, discussion on postmodernism, literary criticism.*

Введение

Взаимоотношения А. Битова с литературой и критикой постмодернизма складывались парадоксальным образом: авторы работ об этом литературном направлении (М. Липовецкий, М. Эпштейн, И. Скоропанова, А. Мережинская и др.) считают создателя романа «Пушкинский дом» одним из основоположников российской ветви постмодернизма. Сам же писатель в интервью такую связь, как

правило, отрицает, полагая, что это направление не привнесло в литературу ничего принципиально нового: «Для меня... “Евгений Онегин” ... есть первый постмодернистский роман, где есть и автор, и герой, и (их. – *М.С.*) взаимоотношения. Вообще с этой точки зрения Золотой век весь постмодернистичен, только намного лучше, чем сейчас»[1]. Битов, давно интересовавшийся проблемой взаимоотношений автора и героя, в этом интервью имел в виду скорее постмодернистские приемы, а не философскую основу этого направления в искусстве.

Среди исследователей творчества А. Битова нет единодушия в вопросе о принадлежности его прозы к постмодернизму. Западные ученые осветили эту проблему раньше отечественных (постепенное становление теории русского постмодернизма замедлило работу отечественных критиков и литературоведов). Так, С. Шпикер доказывал, что поздний Битов – писатель-постмодернист, снявший «бинарные оппозиции» между внутренним миром своих героев и внешним миром, окружающим их: в романе «Пушкинский дом» Лева Одоевцев даже не пытается вырваться из границ официальной советской культуры, оказываясь ее частью, в повести «Фотография Пушкина», по мнению Шпикера, показана невозможность проникнуть в эпоху «золотого века» русской литературы [Spieker, 1995, p. 35]. Р. Хеллебаст отмечал и онтологические признаки постмодернизма, и приемы этого направления в романе «Пушкинский дом»: «Первое впечатление, которое получает информированный западный читатель... состоит в том, что автор, кажется, использовал опрокидывающие литературные приемы каждого постмодернистского писателя, которого он читал, так же как и некоторых, которых он не читал. Сюда входят эссеизм Музиля <...>, надтекстовый аппарат Борхеса <...>, набоковское обнажение искусственности повествования <...>, свойственная Эко озабоченность интертекстуальными связями <...>, повторения и множественность повествовательных версий, характерные для Роб-Грийе» [Цит. по: Богданова, 2001, с. 11]. С другой стороны, Э. Чансес доказывала, что Битов – не постмодернист, его творчество выходит за рамки каких-либо направлений.

Подобный подход, подразумевающий, что творчество Битова гораздо шире рамок постмодернизма, существует и в российской традиции. Так, Н. Иванова писала, что на месте постмодернизма

[1] *Тасбулатова Д.* Андрей Битов: Я – непрофессиональный писатель // Известия. 2000. 7 июня. С. 11.

возник «трансметареализм», характеризующийся «разворачиванием на протяжении текста разветвленной метафоры небытия, направленной не на создание, а на сокрушение мира»[2]. О.А. Кутмина придерживается такой точки зрения: «Произведения А.Б. – это, скорее всего, бесконечные игры то в модернизм, то в постмодерн»[3]. В любом случае для многих исследователей очевидно противоречивое сочетание в творчестве Битова принципов разных направлений: преклонение перед классикой и ее пародирование, фрагментарность и одновременно строгая логичность построения романа «Пушкинский дом». В то же время в русской либеральной критике существует очень мощная традиция противопоставления творчества Битова постмодернизму как бессмысленной игре. Обширная полемика по этому вопросу велась в 1990-е годы.

В последнее время, когда затих критический спор о постмодернизме, в осмыслении данного вопроса появились новые тенденции. О.В. Богданова находит в романе «Пушкинский дом» весь набор постмодернистских приемов [Богданова, 2009, с. 96]. Один из авторов составленной ею книги, А.О. Большев, считает, что еще в раннем творчестве Битова проявилось «изначально постмодернистское мироощущение», основанное на тщетном поиске реальности, «воплощенности» [Большев, 2009, с. 39]. М.Д. Андрианова склоняется к тому, чтобы включить писателя в число авторов, принадлежащих к этому направлению. О последнем на сегодняшний день романе Битова «Преподаватель симметрии» Андрианова пишет: «На наш взгляд, ближайшим литературным контекстом здесь может служить романная проза В. Пелевина, однако этот вопрос требует особого и весьма тщательного исследования...» [Андрианова, 2011, с. 181].

Действительно, роман «Преподаватель симметрии» (выпущен отдельным изданием в 2008 г.) – наиболее близкое к постмодернистской эстетике произведение Битова. Сам писатель в интервью последних лет, как нам кажется, все более обстоятельно и беспристрастно говорит об этом литературном направлении. Так, интервью 2004 года, подготовленное М. Поздняевым, было по тем временам редким примером, когда Битов вел серьезный разговор на тему постмодернизма, чаще он уклонялся от обсуждения по-

[2] *Иванова Н.* Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998. № 4. С. 197.

[3] *Кутмина О.А.* Проза Андрея Битова от «А» до «Я»: учеб. пособие. Омск: «Вариант-Сибирь», 2004. С. 9.

добных вопросов[4]. Во время этой беседы писателю пришлось даже смягчать резкие суждения интервьюера о постмодернистах. Битов безусловно признавал за ними талант и оригинальность:

«– ...Пелевин – изобретатель, а Сорокин...

– Патологоанатом?

– Нет, он заполнитель белых пятен. Вот, значит, что в России получилось из так называемой традиции не писать, а запрещать книги... В этом смысле появление антилитературы в лице Пелевина и Сорокина вполне законно»[5].

Впоследствии разговор на эту тему станет еще более обстоятельным. В беседе с Д. Бавильским, которая состоялась в 2012 г., Битов рассказал о своем восприятии конкретных текстов обоих названных писателей. При выборе между Пелевиным и Сорокиным он однозначно отдает предпочтение первому: «Сейчас ловят... связь времен – что и уловил Пелевин, неразрывность прошлого и настоящего»[6]. В романах Пелевина Битов увидел, вероятно, продолжение некоторых собственных тем: темы времени и связи культур. При этом полный слом традиции в духе Сорокина писателю, воспитанному в литературной среде 1960-х годов, конечно же, не близок. Это весьма показательно: он принципиально открыт для постмодернистских экспериментов, но отвергает самые радикальные из них.

Дискуссия о русском постмодернизме

Как нам кажется, сейчас настало время с новых позиций пересмотреть дискуссию о русском постмодернизме. Творчество А. Битова интересно нам в данном плане как пограничное явление между двумя эстетическими системами. При этом важно, что сам писатель никогда не признавал себя постмодернистом и по своим теоретическим установкам может быть отнесен к лагерю «тради-

[4] «Ну, я же не знаю, что такое постмодернизм, да и никто не знает», – заявил он в одном из научных интервью [Кормилова, 2010, с. 199]. Подобный прием писатель и по сей день использует в разговорах о тех явлениях, которым он не хотел бы давать однозначной оценки: «Я как не понимал слов “экзистенциализм”, “либерализм”, “демократия”, так и по-прежнему их не понимаю» (*Варкан Е.* Империя Битова в четырех измерениях // Российская газета. 2015. 26 февр. С. 12.).

[5] *Поздняев М.* Андрей Битов: «Общество состоит из каждого» // Новые Известия. 2004. 13 апр. С. 7.

[6] *Бавильский Д.* Андрей Битов: «Каждый день можно обработать как роман...» // Частный корреспондент. 2012. 27 мая. URL: http://www.chaskor.ru/article/andrej_bitov_kazhdyj_den_mozhno_obrabotat_kak_roman_23685

ционалистов». В основу нашего анализа ляжет взаимодействие А. Битова с его критиком В. Курицыным как наиболее активным и эксцентричным из участников дискуссии о том, является ли постмодернистом автор романа «Пушкинский дом». Битов не только вступил в своего рода диалог с критиком, тем самым приняв его правила игры; в своем творчестве он порой пользовался теми же средствами, что и критик-постмодернист.

Так, в № 7 за 1976 г. журнала «Вопросы литературы» Битов опубликовал экспериментальную статью «Три “пророка”», вернее, пересказ статьи, написанной от лица литературного героя Левы Одоевцева. Можно считать, что в этой статье Битов осторожно пользуется постмодернистским критическим методом. Согласно теории Ж. Дерриды, в научном сообществе существует некий «центр», незыблемые правила, вокруг них сосредоточены локальные научные изыскания. Этот деспотичный центр «налагает запрет на пермутацию, или трансформацию, элементов (которые к тому же сами могут представлять собой структуры, включенные в другую структуру)» [Деррида, 1995, с. 171]. Так, соотношение реальных поэтов (Пушкина, Лермонтова и Тютчева) и их лирических героев – структура, входящая в иную структуру – историю преемственности в русской литературе, которую Лева рассматривает под несколько необычным углом зрения.

Трансформация структуры, по Дерриде, всегда оставалась под «*запретом*». Для того чтобы «центру» теории доверяли, он должен находиться «как *в* структуре, так и *вне* структуры» [там же], как будто бы над ней. Но это трудновыполнимое условие. Позиция А. Битова честна в том, что автор не скрывает ее субъективности. Старается скрыть ее Лева. Очевидно, ошибка Левы – как раз в некой самоуверенности, в том, что он делает себя «центром», подменяет жанр выступления, для него это научно-критическая статья, а для А. Битова – художественный текст, поэтому возникает ирония автора по отношению к герою. Таким образом, Битов как раз оказывается и внутри, и «вне» структуры своего текста.

Соответственно, автор мог относиться с иронией и к своим критикам, находясь в более выигрышном, чем они, положении.

Именно этой статье и другим текстам, вошедшим в сборник «Статьи из романа» (1986), было посвящено первое выступление В. Курицына, связанное с творчеством А. Битова. В этом выступлении проявились некоторые черты стратегии критика: провокационность высказываний, абсолютизация значения одного от-

дельно взятого образа. Курицын признался, что, даже не знакомясь с первоисточником, он «вычитал» в чьей-то статье, что в битовском романе «Пушкинский дом» разворачивается сюжет о двух молодых ученых, разгромивших музей. Смысл этого эпизода стал для него определяющим в оценке и трактовке всего романа, остальные элементы текста уже были не важны, с первоисточником можно было и не знакомиться: «...я с чистой совестью назвал “внешними штуками” все... элементы, по отношению к которым вроде бы “внешним” должен быть как раз сюжет, а не наоборот»[7]. Курицын сконцентрировался не на содержании романа, а лишь на одном его аспекте. Подобный ход (суждение о романе до его прочтения либо мистификация, намеренное подчеркивание этого обстоятельства уже после прочтения текста) не мог быть попыткой критика скрыть то, что он ознакомился с романом в «самиздате»: к моменту опубликования курицынского отзыва на «Статьи из романа» в России уже был опубликован полный текст «Пушкинского дома». Перед критиком-постмодернистом стояли иные задачи. Разумеется, противникам Курицына попытки анализа произведения до его прочтения казались дилетантскими, а преувеличение значения одного сюжетного узла должно было представляться весьма поверхностной трактовкой. Однако следует помнить об экспериментальном характере постмодернистской критики. Все элементы «текста» для нее символичны [Барт, 1989, с. 350], обладают самостоятельным значением, постмодернистский критик-соавтор имеет право сконцентрироваться на одной детали и, интерпретируя ее, придать тексту новые смыслы.

Позднее, в статье, посвященной «Пушкинскому дому», Курицын еще подробнее развил идею о «концепте музея» в романе. Как символический «разгром музея» (крушение устоявшихся представлений героя о жизни) критик воспринимал встречу Левы с дедом, прошедшую вовсе не по задуманному героем готовому сценарию, а также дисгармоничные любовные отношения Левы.

Как нам представляется, позиция В. Курицына была достаточно близка к точке зрения автора романа. Не зря статья Курицына «Отщепенец», названная в честь рассказа Вик. Ерофеева, в 1999 г. была включена Битовым в книгу «Пушкинский дом» издательства Ивана Лимбаха (в которую, кроме этой, вошла еще лишь одна статья – уравновешивающая постмодернистский взгляд рецензия

[7] *Курицын В.* «Странный опыт», или Жизнь в музее // Урал. 1989. № 11. С. 185.

Ю. Карабчиевского, негативно относившегося ко всем нетрадиционным приемам в романе). Позиция Курицына, приветствующего постмодернистское раскрепощение личности, была в частности ближе А. Битову, чем пессимистичный взгляд на героя М. Липовецкого (он, как и либеральные критики периода «перестройки», отозвавшиеся на роман, был близок к исторической трактовке произведения, но воспринимал внутренний мир главного героя как фальшивый, «симулятивный») [Липовецкий, 1995]. В 1990-е гг. писатель сам подчеркивал свою соотнесенность с героем, перед героем и автором стояла общая задача творческого поиска себя, поиска свободного пути развития индивидуума.

Конечно, в литературной полемике нашлось немало оппонентов Курицына. Полемизируя с ним, В. Лавров назвал упрощением попытку «свести почти все содержание “Пушкинского дома” лишь к “деконструкции” мифа о великой русской литературе...»[8]. Лавров пренебрежительно объединил позиции Курицына и Липовецкого. Однако эти позиции сильно различались: Курицын, в отличие от Липовецкого, видел в романе Битова постепенную деконструкцию симулятивного, ложного представления Левы о литературе и жизни. В этот период Курицыну были близки представления Битова о личной свободе человека. Однако позднее отношение критика к писателю осложняется.

После публикации частей из романа А. Битова «Оглашенные», которые в целом были восприняты критикой как творческая неудача писателя, дискуссии вокруг его творчества приобрели характер острых споров. Если Д. Бавильский в рецензии на повесть «Человек в пейзаже» (часть романа «Оглашенные»), явно вторя Курицыну[9], поощрял наступление эпохи комментаторства и «расползающихся» текстов[10], то сам Курицын с гораздо меньшим энтузиазмом отнесся к новым опытам А. Битова. На повесть «В ожидании обезьян» (тоже вошедшую впоследствии в роман «Оглашенные») Курицын отреагировал не рецензией и даже не пародией, а провокационной «вариацией». Критик придумал собственный сюжет, назвав публикацию Битова «прямым подлогом»[11]. Наиболее остро на эту «якобы вариацию» Курицына «в постмо-

[8] *Лавров В.* Три романа Андрея Битова, или Воспоминания о современнике // Нева. 1997. № 5. С. 186.

[9] См.: *Курицын В.* «Странный опыт», или Жизнь в музее // Урал. 1989. № 11. С. 185–186.

[10] См.: *Бавильский Д.* Человек в пейзаже // Независимая газета. 1993. 4 янв.

[11] *Курицын В.* Битов ждет обезьян, но не тех // Сегодня. 1993. 18 нояб.

дернистском вкусе» отреагировала А. Марченко, назвав ее «мусорным стёбом»[12]. Однако В. Курицын всегда с уважением писал об авторе «Пушкинского дома». О чем же идет речь в его «вариации»? Вот вкратце ее сюжет: некий мистер Грин (персонаж, выдуманный Курицыным, критиком и по совместительству беллетристом) научил свою обезьяну читать, но как только она выучивала одну букву, ее хозяин эту же букву забывал. Вскоре мистер Грин одичал и деградировал. Нашедшие его люди удивлялись, «сколько он помнит удивительных историй, легенд, преданий, приключений – при том что совершенно не умеет читать»[13]. Не сам ли А. Битов, в каком-то смысле «обучивший» лучших представителей русской интеллигенции читать, но «отравившийся» свободой и с тоской вспоминающий в «Оглашенных» о советской империи, зашифрован в образе м-ра Грина? Очевидно, так прочли «вариацию» Курицына его оппоненты: А. Марченко и ее единомышленники. Можно предполагать и недовольство Курицына художественным уровнем поздней прозы писателя, о котором критик позже напишет вполне ясно: повести, искусственно объединенные в роман «Оглашенные», не составляют единого художественного целого, – что было признано А. Немзером, И. Кузнецовой и др.

Но возможно и более оптимистичное прочтение «вариации», опубликованной Курицыным. Помимо иронии над Битовым, в этом тексте заложено подражание писателю, однако другому его тексту, аллюзия не на «Ожидание обезьян», а на цикл «Преподаватель симметрии». Сюжет о забытых героем буквах весьма напоминает сразу несколько ситуаций из наиболее постмодернистского цикла Битова, начатого, но не завершенного ко времени этой дискуссии, фрагментами опубликованного в журнале «Юность» в 1987 г. В цикле новелл «Преподаватель симметрии» рассказчик-переводчик, переведя книгу, окончательно забыл оригинал; писатель из вставного сюжета Урбино Ваноски забывал собственную жизнь, перенося ее сюжеты на бумагу и т.п. В «вариации» Курицына, как и в «Преподавателе симметрии», действуют англоязычные персонажи; в обоих текстах воссоздана вторичная художественная реальность условной зарубежной литературы. Вероятно, Курицын советовал Битову развивать именно это, постмодернистское направление творчества. От новой прозы писателя критик, видимо,

[12] *Марченко А.* Это было у моря // Новый мир. 1994. № 5. С. 206–207.

[13] *Курицын В.* Битов ждет обезьян, но не тех // Битов А. Оглашенные. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 1995. С. 433.

ждал продолжения «Преподавателя симметрии», поэтому «Обезьяны» оказались для него равносильны «подлогу». Именно так Курицын назвал подлинную публикацию Битова.

Эмоционально отреагировала на текст Курицына А. Марченко, которая восприняла его исключительно как «стёб» над Битовым: по ее словам газета «Сегодня» «спустила с поводка Вячеслава Курицына. Дабы этот волчонок, с хваткой прирожденного АНТИЛИДЕРА, скорректировал слишком уж корректный отзыв А. Немзера в той же газете»[14]. Между тем рецензия Немзера с красноречивым названием «Битов ищет Битова» была посвящена зависти писателя к себе самому более ранних периодов творчества. В отличие от трактовки Курицына, эта интерпретация не содержала поводов для оптимизма, никакой альтернативы тому творческому методу, который критиковался Немзером в последнем на тот момент произведении писателя.

Интересно, что прием мистификации, использованный В. Курицыным, активно использовался самим Битовым: и цикл «Преподаватель симметрии», и статья «Три “пророка”» – в определенном смысле мистификации. Первый из этих текстов выдавался автором за условный перевод «с иностранного», второй печатался в журнале «Вопросы литературы» как самостоятельная научная работа.

Впоследствии А. Битов включил так называемую вольную «вариацию» Курицына в издание «Оглашенных» 1995 г. (правда, включил он и рецензию ребенка, эколога и другие, однако все эти рецензии рассматривались писателем весьма серьезно) без отзыва на нее А. Марченко. Не вошла в книгу и направленная против постмодернистов рецензия на роман, написанная И. Роднянской. В задачи писателя не входило обострять дискуссию. Будучи в теории на стороне Марченко и Роднянской, он, однако, признавал интересными и постмодернистские интерпретации своих текстов.

Критики обоих лагерей часто вели разговор не о форме, а об идеях битовских текстов. Но перед критиками-постмодернистами остро стояла и еще одна важная задача, в меньшей степени актуальная для противоположного лагеря: выработать стратегию поведения в литературной среде. В 1996 г. В. Курицын выпустил сразу несколько статей, касающихся творчества А. Битова. Показательно амбивалентное, двусмысленное, на первый взгляд, название

[14] *Марченко А.* Это было у моря // Новый мир. 1994. № 5. С. 206.

одной из них: «Битов сегодня. Число букв и количество зубов»[15]. Однако, как выясняется, ничего оскорбительного для писателя в этом названии не было, имелась в виду удачная, по мнению критика, хоть и лишенная научной убедительности, но находчивая мысль писателя из его нового текста «Что-то с любовью» (продолжение цикла «Преподаватель симметрии»): «Не исключено, что зеркало было изобретено позже алфавита. Иначе почему бы такое неожиданное совпадение числа букв с количеством зубов?» Находка, конечно же, спорна даже с художественной точки зрения хотя бы ввиду разного количества букв в разных алфавитах. Критик, очевидно, считал Битова своим единомышленником в вопросе размывания границ между художественным и строго научным мышлением.

Однако в целом Курицын, как и многие его коллеги из противоположного лагеря, настаивал на том, что начиная с «Ожидания обезьян» Битов стал писать хуже. Частично критик объяснил этим свою провокационную выходку с «подражанием» писателю: она должна была продемонстрировать «нечитабельность» подлинного текста Битова.

В той же статье Курицын ответил критикам «Нового мира» – в основном А. Марченко, но и И. Роднянской: «...все условному “Новому миру” кажется, что кто-то кому-то противостоит»[16]. Согласно теории постмодернизма, вполне здравая позиция – попытаться снять противоречие, принять возможность разных трактовок, как признает Курицын право на существование «вдохновенной» статьи национал-патриота В. Бондаренко об «Ожидании обезьян» (при всем различии в позициях двух критиков: Бондаренко заметил в повести Битова ностальгию по Советской империи и вполне разделил чувства автора[17]). Однако в действительности стратегия критика-постмодерниста была достаточно агрессивной.

Курицын практически не приводит убедительных доводов для того, чтобы доказать отсутствие противоречий между ним и Битовым. Критик ограничивается историей о том, как Битов подарил ему книгу, снисходительно надписав: «Сыночку этой книги – от папочки». Полушутливый тон пронизывает дискуссию. Саркасти-

[15] *Курицын В.* Битов сегодня. Число букв и количество зубов // Независимая газета. 1996. 8 авг. С. 7.

[16] Там же.

[17] См.: *Бондаренко В.* Солдаты империи // Битов А. Оглашенные. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 1995. С. 430.

чески звучит такая фраза Курицына: «Кстати, Битов один из тех, кому пойдет сочинить на самого себя некролог»[18].

В противовес писательским неудачам Битова Курицын, однако, отмечал и положительные, с его точки зрения, тенденции: «За последние пару лет он совершил как минимум три очень уверенных контекстуальных хода»[19]. Имелись в виду публикация «Оглашенных» под одной обложкой с двумя десятками откликов (гипертекстуальных «способов прочтения»); издание «Первой книги автора» – первых литературных опытов признанного ныне писателя; наконец, опубликование глав из незавершенного романа «Что-то с любовью» в журнале «Playboy» – жест, который, например, А. Архангельский расценил как предательство по отношению к старым читателям Битова. При этом книгу «Оглашенные» Курицын назвал «замечательным концептуалистским объектом» и в связи с ее выходом в свет выступал за присуждение Битову Государственной премии по литературе[20].

Ход со стороны Курицына был тонкий: оценивая деятельность Битова как концептуалистскую, критик признавал эту деятельность, но писателю такое признание могло быть неприятно. В интервью Битов порой затрагивал тему концептуализма, но выделял в своем художественном методе черты различия, а не сходства с методами концептуалистов. При этом доводы у писателя были примерно те же, что и у критика его поколения И. Роднянской: определяющей для него являлась мера серьезности и искренности творчества, а также степень сложности реализации замысла. Так, о своем полушуточном замысле 1970 г., связанном с протестом против цензуры, Битов рассказывал: «Я решил издать толстый роман “Гласность”, в котором тысяча страниц была бы заполнена одним трехбуквенным словом, которое пишут на заборе, – всеми способами набора и расположения текста. Такой вот концептуализм до Сорокина... И возник бы другой вопрос: а что, собственно, ты можешь, кроме этого?»[21]

Постепенно полемика о принадлежности текстов А. Битова к постмодернизму становилась все более эмоциональной. Обеим

---

[18] *Курицын В.* Битов сегодня. Число букв и количество зубов // Независимая газета. 1996. 8 авг. С. 7.

[19] Там же.

[20] См.: *Вячеслав Курицын:* Битов или Бакланов? // Вечерний клуб. 1997. 17 апр. № 15.

[21] *Шевелев И.* Андрей Битов: «Это пошлость знать подробности о человеке, а не то, что он делает» // Московские новости. 2007. 25 мая. С. 45.

сторонам было важно подкрепить свое мнение авторитетом Битова. Несколько накалялись и отношения между Битовым и Курицыным. Даже публикацию собственного отзыва в книге «Оглашенные» Курицын назвал нарушением авторского права: «Если бы кто другой без разрешения перепечатал, скажем, мою рецензию, я мог бы подать в суд. На Битова подать в суд – то же самое, что взяться за научное опровержение версии об обусловленности зубов буквами и наоборот»[22]. Это была опять же двойственная оценка аналитических способностей Битова, ведь писателю принадлежало немало таких «псевдонаучных» изысканий (включая статью «Три “пророка”»). Однако и сам Курицын не придавал большого значения строгой выверенности фактов, и с постмодернистской точки зрения это было простительно, как и художнику Битову было простительно опровержение границ авторства, в том числе юридических[23].

Отметим, что исследователи битовского творчества не раз замечали вольную игру с фактами в романе «Пушкинский дом». Битов заверяет читателя, что не читал произведений Набокова, когда писал свой роман, но сам же отмечает собственные «заимствования» у писателя-эмигранта [Сухих, 2009, с. 7]. А.О. Большев не склонен в данном случае верить автору «Пушкинского дома», он обращает внимание на прочие несовпадения в битовском тексте: Базаров «выкинул кого-то в пруд» (герою-нигилисту приписан поступок другого тургеневского персонажа – Инсарова), «Чехов подстригал крыжовник Ионыча» (Дмитрий Старцев не выращивал никаких кустов, в отличие от Николая Ивановича из рассказа «Крыжовник») [Большев, 2009, с. 57]. Добавим от себя, что первый случай авторской неточности можно списать на соединение его точки зрения с точкой зрения героев. Описывая сцену пьянки и драки в музее как будто бы глазами двух друзей-врагов, Левы и Митишатьева, писатель как будто бы через сознание нетрезвого человека показывает разбросанные, покалеченные музейные экспонаты,

[22] *Курицын В.* Битов сегодня. Число букв и количество зубов // Независимая газета. 1996. 8 авг. С. 7.

[23] В начале 2000-х годов с юридической точки зрения вопрос об авторстве ставился в связи с интертекстуальными вставками в роман М. Шишкина «Венерин волос»: за использование чужого текста писатель, в постмодернистском ключе смешивавший «голоса» многих фигур и времен, был печатно обвинен в плагиате (см.: *Танков А.* Шествие перепёрщиков // Литературная газета. 2003. № 11–12). Подобные казусы свидетельствуют о причудливом соединении в реальной литературной ситуации 1990–2000-х годов признаков и традиционной, и постмодернистской эстетических систем.

которым был «причинен ущерб». Что касается второго случая, отмеченного исследователем, то он встречается в авторских примечаниях к роману, когда Битов поясняет восприятие героев классической литературы школьниками своего поколения.

Намеренно небрежное отношение писателя к текстам перечисленных авторов напоминает манеру критиков-постмодернистов: их трактовки тоже допускают вольности, даже если не нацелены на дискредитацию рассматриваемого объекта.

В постмодернистском взгляде на литературу заложена совершенно иная, чем в традиционном понимании, расстановка сил в системе «писатель – критик – читатель». В теории это должно привести и к изменению норм профессиональной этики (как трансформировалась в XX веке этика общечеловеческая), к смягчению взаимоотношений писателя и критика: оценки в этой системе вообще неприменимы, поскольку каждый участник литературного процесса имеет право на максимально свободное творчество и самовыражение. Подобная критическая стратегия разрабатывалась еще в начале 1980-х годов Л. Аннинским, который доказывал в споре с Ю. Трифоновым, что критик – «не судья» писателю, более того, он имеет право на свободное самовыражение в критической статье, даже если его идеи весьма далеки от авторского замысла[24]. Против подобных высказываний Аннинского, однако, выступали И. Дедков, С. Чупринин и др.

Заключение

Несмотря на теоретический постулат постмодернизма о толерантности, в реальной литературной жизни возникновение в России нового направления привело к весьма острой полемике. При этом провокационные приемы делали выступления постмодернистов яркими и запоминающимися. В ходе научного интервью А. Битов объяснил, почему в книги «Пушкинский дом» и «Оглашенные» издательства Ивана Лимбаха он посчитал нужным включить статьи Курицына: «Курицын смешной. Сейчас таким же пытается быть Виктор Топоров: эпатировать общественность, выскочить за пределы литературного антуража» [Кормилова, 2010, с. 198].

В острой фазе спора о постмодернизме критики высказывались порой слишком эмоционально, жертвуя рациональным подходом.

[24] *Трифонов Ю.* Как слово наше отзовется... // Новый мир. 1981. № 11. С. 236.

«Речь в этой дискуссии идет не столько о том, что такое постмодернизм, но прежде всего о том, как к нему относиться в контексте русской культуры XX века», – пишут авторы коллективной монографии «История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи» И. Кукулин и М. Липовецкий [История русской литературной критики... 2011, с. 653].

Как нам представляется, на восприятие Битовым постмодернистских эстетических принципов сильно повлияла литературная ситуация и критическая дискуссия 1990-х гг. Острота полемики, использование российскими критиками-постмодернистами «запрещенных» приемов в дискуссиях и предвзятое отношение к ним литераторов битовского поколения отдалили писателя от достаточно близкого ему направления.

Как отмечал ранее Липовецкий, истоки русского постмодернизма прослеживаются уже в либерализации общественной ситуации периода «оттепели» [Липовецкий, 1997, с. 108-109]. А. Битов в полемике о постмодернизме показал себя как писатель, безусловно пользующийся постмодернистскими приемами, но не признающий своей связи ни с этим направлением, ни с представляющей его группой литераторов. Вероятно, в действительности у некоторых участников полемики было гораздо больше общего, чем они сами могли предполагать. Идея внутренней свободы личности, новые художественные приемы, отказ от прежних форм интерпретации литературы, безусловно, были в конце 1980-х – 1990-е гг. так же необходимы либеральной критике, как и постмодернистской.

В полемике о русском постмодернизме обе стороны прибегали как к весьма резкому доводу к сравнению оппонентов с представителями недавнего прошлого российской критики – с советскими официозными деятелями. Имелась в виду безапелляционность, нормативность заявлений оппонентов. С одной стороны, к такому сопоставлению критических методологий прибегали противники постмодернистских критиков Вл. Славецкий [см.: Славецкий, 1991], Е. Орлова [см.: Орлова, 1995], с другой – их защитник О. Дарк[25]. Таким образом, и у обличителей, и у защитников постмодернизма был один общий враг. Те и другие зачастую были сторонниками либеральной идеи свободы творчества, но по-разному понимали то, как должна проявляться эта свобода.

[25] См.: *Дарк О.* «Черная месса» императивной критики // Знамя. 1992. № 8.

Критики-постмодернисты ввели в литературный процесс элемент игры, артистичность, чего ему не хватало в советский период: весьма эмоциональными могли быть выступления тенденциозных критиков-обличителей, но в нейтральных или благожелательных отзывах эксцентричности быть не могло. Во второй редакции книги «Критика – это критики» С.И. Чупринин пишет о ситуации 1980-х гг.: старшие критики в то время винили молодых (П. Басинского, Б. Кузьминского, В. Курицына) в «летучести», «втайне, впрочем, завидуя их подростковой наглой самоуверенности»[26].

Таким образом, спустя годы после окончания острой дискуссии о русском постмодернизме ощутимыми, на наш взгляд, стали признаки сближения между прежними идейными оппонентами. Это сказалось и в смягчении интонаций Битова, отзывающегося о постмодернизме, и, отчасти, в позициях критиков, когда-то участвовавших в литературном споре.

Список литературы

Андрианова М.Д. Авторские стратегии в романной прозе Андрея Битова. СПб: БАН, 2011.

Богданова О.В. Поэтическая форма оглавления романа А. Битова «Пушкинский дом» // Роман Андрея Битова «Пушкинский дом». Серия «Текст и его интерпретация». Вып. 5. СПб: Факультет филологии и искусств, 2009.

Богданова О.В. Современный литературный процесс (К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70–90-х годов XX века): Материалы к курсу «История русской литературы XX века (часть III)». СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001.

Большев А.О. Андрей Битов: в поисках «чрезвычайной воплощенности» // Роман Андрея Битова «Пушкинский дом». Серия «Текст и его интерпретация». Вып. 5. СПб: Факультет филологии и искусств, 2009.

Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5.

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. *Е. Добренко, Г. Тиханова.* М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Кормилова М.С. Творчество А.Битова в оценке российской и русской зарубежной критики. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 2010.

Липовецкий М. Разгром музея: Поэтика романа А. Битова «Пушкинский дом» // Новое литературное обозрение. 1995. № 11.

[26] *Чупринин С.И.* Критика – это критики. Версия 2.0. М.: Время, 2015. С. 472.

Липовецкий М. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1997.

Орлова Е. В раю животных // Literatura rosyjska. Nowe zjawiska. Reinterpretacje. Katowice, 1995.

Славецкий Вл. После постмодернизма // Вопросы литературы. 1991. № 11–12.

Spieker S. Psychotic postmodernism in Soviet Prose: Pushkin and the Motif of the Unidentified Past in Andrei Bitov's Poetics // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1995.

Поступила в редакцию
02.09.2015

Ю.Г. Котариди, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: a-a-s@yandex.ru

ПЛАТОНОВСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ В ПОЭТИКЕ Э.Т.А. ГОФМАНА (НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛ «КАВАЛЕР ГЛЮК», «ДОН ЖУАН», «ЗОЛОТОЙ ГОРШОК»)

В статье рассматриваются структурные характеристики романтических новелл Э.Т.А. Гофмана, напрямую восходящие к гносеологической модели неоплатонизма. Платоническая парадигма новелл обеспечивает универсальность и многозначность повествования.

Ключевые слова: *неоплатонизм, романтизм, Гофман, новеллы, гносеология*

The article considers structural characteristics of Romantic tales by E.T.A. Hoffmann, directly dating back to the epistemological model of Neoplatonism. Platonic paradigm of short stories provides universality and polysemy of the narration.

Key words: *Neoplatonism, romanticism, Hoffmann, tales, epistemology*

Введение

Неоплатонизм – одно из самых важных умонастроений романтической эпохи. Идеалистическое учение Платона становится чрезвычайно востребованным в среде йенских романтиков после появления «Наукоучения» И.Г. Фихте и выхода классических переводов платоновских диалогов, осуществленных Ф.Д.Э. Шлейермахером. Вслед за Ф. Шлегелем и Новалисом, которые признавали несомненное влияние Платона на свое духовное становление [Benz, 1956, s. 63-64], неоплатонические аллюзии с новой силой зазвучат в произведениях и одного из самых самобытных романтических писателей, Э.Т.А. Гофмана.

Эманационная эстетика неоплатоников в том виде, в котором она представлена в «Эннеадах» Плотина, была усвоена Гофманом, если не буквально, то через посредство йенских теоретиков. Круг античных текстов, с которыми был знаком Гофман, вообще достаточно широк. На его литературный кругозор оказали непосредственное влияние Гомер, Эсхил, Плавт, Гораций, Вергилий, Овидий и многие другие классики. Среди вышеперечисленных авторов

важное место занимал и Платон, о чем свидетельствуют как биографические документы писателя[1], так и его тексты.

«Кавалер Глюк»

Уже в самой первой, программной новелле «Кавалер Глюк» (1809), Гофман воспроизводит некоторые компоненты платоновской гносеологии. В соответствии с романтической идеализацией творящего субъекта платоновское восхождение к истине у Гофмана становится прерогативой поэтических натур. Опираясь на теоретический опыт Шеллинга и Новалиса, писатель утверждает, что постижение истины высшего мира («Reich der Träume») доступно не каждому, а лишь «боговдохновенному» энтузиасту. И если вырваться из мрака пещеры на шумную проезжую дорогу (в область «умопостигаемого») могут многие, то пройти через ворота из слоновой кости[2] в царство грез и познать Истину способны лишь избранные: «Но лишь немногие, пробудясь от своей грезы, поднимаются вверх и, пройдя через царство грез, достигают истины. Это и есть вершина – соприкосновение с предвечным, неизреченным!»[3].

Неоплатонический подтекст усиливается благодаря эпизодическому упоминанию в новелле античной Психеи. Эта референция, вложенная в уста композитора, который вот уже 22 года может явиться на постановку собственной оперы разве что в качестве привидения, придает тексту характер художественного обобщения: «Взгляните на солнце – оно трезвучие, из него, подобно звездам, сыплются аккорды и опутывают вас огненными нитями. Вы покоитесь в огненном коконе до той минуты*, когда Психея вспорхнет к солнцу...»*[4].

Подчеркивая божественную, экстатическую природу творчества, Гофман актуализирует один из важнейших пластов неоплатонического мифа: Психея-бабочка, Психея-душа стремится к Единому, Благу, Солнцу. Психея не названа в тексте бабочкой, но немецкое «*verpuppen*» («окукливаться») и «*emporschwingen*» (*«*возноситься») в явном виде указывают на стадии развития бабочки.

---

[1] E.T.A. Hoffmann: Leben, Werk, Wirkung. Berlin, Boston, 2012. S. 40.

[2] В «Одиссее» Гомера (XIX, 560-569) ворота из слоновой кости заслоняют истину и служат входом в этот мир для обманчивых снов.

[3] *Гофман Э.Т.А.* Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. М., 1991. С. 35.

[4] Там же.

Образ крылатой Психеи[5], вообще чрезвычайно актуальный в романтической поэтике, отчетливо соотносится в новелле с архаической традицией изображения души, в которой она обычно представлялась «в виде бабочки, то вылетающей из погребального костра, то отправляющейся в аид»[6], в некоторых случаях напрямую отождествляясь с умершим.

Мифопоэтическая модель Гофмана во многом пересекается с онтологией неоплатонизма. У неоплатоников Солнце традиционно рассматривается как символ Истины, свободное от материи Единое, которое рассеивает свои лучи, порождая остальные, менее совершенные ипостаси (Ум, Мировая Душа). Эта иерархическая тройственность («Dreiklang») Единого осмысляется Гофманом в согласии с классическими принципами музыкальной гармонии: «Снова надвинулась ночь, и тут ко мне подступили два гиганта в сверкающих доспехах: *основной тон и квинта*! Они попытались притянуть меня к себе, но око усмехнулось: "Я знаю о чем тоскует твоя душа; ласковая, нежная дева – *терция* – встанет между гигантами, ты услышишь ее сладкий голос, снова узришь меня, и мои мелодии станут твоими"»[7].

Образ тени является мифопоэтической оппозицией Солнцу, и непосредственно отсылает нас к знаменитому образу пещеры Платона («Государство»). Пещера – это мрак, мрачное ущелье, символ смертного чувственного космоса, в которой человек видит лишь только тени истинных вещей, не в силах преодолеть оковы собственного восприятия: «Когда я пребывал в царстве грез, меня терзали скорби и страхи без числа. Это было *во тьме ночи*, и я пугался чудовищ с оскаленными образинами, то швырявших меня на дно морское, то поднимавших высоко над землей. Но вдруг лучи света прорезали ночной мрак, и лучи эти были звуки, которые окутали меня пленительным сиянием»[8].

Переход от света к тени в новеллах Гофмана нередко имеет пограничное значение, указывая на диалектику, отчетливое мерцание потустороннего и посюсторонних миров. Как справедливо отмечает, к примеру, Т. Крамер, у Гофмана, по сравнению с Новалисом уже «...возникают контрасты совершенно разного

[5] В «Метаморфозах» Апулея, в отличие от архаических памятников изобразительного искусства, Психея лишена крыльев. Образ крылатой Психеи используют У. Блейк, Дж. Китс, Э. По и др.

[6] *Лосев А.Ф.* Психея // Мифы народов мира в 2 тт. Т. 2. М., 1997. С. 344.

[7] *Гофман Э.Т.А.* Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. С.35–36.

[8] Там же. С. 35.

типа: не только противопоставление повседневности и высшего мира, но и полярность доброго из злого, представления и смысла внутри самих этих миров» [Cramer, 1966, s. 66]. Это обусловлено, в том числе, постоянной текучестью картины мироздания Гофмана, которая все время меняется «под воздействием различных вариаций света и тьмы, верха и низа, ангельского и демонического, добра и зла, творческого и разрушительного начала» [Negus, 1965, p. 66].

Космологическая модель, восходящая еще к платоновскому «Тимею», обуславливает гносеологические процессы, связанные с мистическим постижением Абсолюта. У неоплатоников душа каждого человека – это часть Мировой души, которая как бы существует между высшей и низшей сферами бытия. При условии сосредоточенности на познаваемом предмете, она способна созерцать Благо в материальном мире, пусть и непосредственно, а через его отражения. Как только же ей удается освободиться от чувственного восприятия, она возвращается в лоно Единого, заполняя собою весь мир, как это происходит с кавалером Глюком, который неожиданно видит себя в чашечке цветка, уже не ощущая непреодолимой границы между субъектом и объектом.

Познание высшего мира рассматривается в новелле как постоянное возвращение индивидуальной души к первичному источнику бытия. Иррадиирущая способность Единого становится зримым, благодаря образу солнечного цветка, который моделирует в «Кавалере Глюке» отношения человека и мироздания: «Незримые узы влекли меня к нему. Он поднял головку – венчик раскрылся, а оттуда мне навстречу засияло око. И звуки, как лучи света, потянулись из моей головы к цветам, а те *жадно впитывали их*. Все шире и шире раскрывались лепестки подсолнечника; потоки пламени полились из них, охватили меня, – око исчезло, а в чашечке цветка очутился я»[9].

Таким образом, процесс творчества в «Кавалере Глюке» осмысляется как трудное, но не окончательное восхождение к истине, после которого следует падение души в земной мир, где она вынуждена скитаться среди непосвященных. При этом, страстное томление, тоска («Sehnsucht») уже в «Кавалере Глюке» осмыслено как необходимый компонент творческого поиска: только, когда «нежная дева», терция, встанет между основным тоном и квинтой,

[9] *Гофман Э.Т.А.* Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. С. 36.

составив трезвучие, только тогда композитору удастся обрести желанную гармонию и воссоединиться с Абсолютом.

«Дон Жуан»

Но не только экстатические состояния у Гофмана соотносятся с мистическим постижением Единого, обеспечивая восхождение человеческой души к истине, приближая ее через восторженное состояние, исступление к первоначальной родине, вечному миру эйдосов. Еще один несомненный путь к Абсолюту, намеченный Гофманом еще в «Кавалере Глюке», находит более полное воплощение в «Дон Жуане» (1813), где любовь выступает важным связующим началом между царством снов и реальностью, небесным и земным.

Концепция любви, изложенная Платоном в его знаменитом диалоге «Пир», проступает в новелле через призму эстетических построений Ф.В.Й. Шеллинга, закрепленных в «Философии искусства». Искусство как высшая потенция идеального мира остается достижимым лишь для истинных поэтов, таких как странствующий энтузиаст, случайно оказавшийся в провинциальном театре. Это романтическое избранничество оценивается Гофманом как некая гносеологическая чуткость, дающая возможности для постижения идеального мира.

Перемещение между миром обывателей и миром искусства обозначено в тексте Гофмана зримой границей, потайной дверью, которая ведет энтузиаста из тесной комнаты гостиницы в ложу № 23. Сходную эмблематическую функцию несет занавес, который колеблется на сцене, приоткрывая рассказчику путь в волшебную страну звуков. Стоит отметить, что появление донны Анны в ложе с решетчатыми окнами[10] также связано с движением занавеса, который подчеркивает ее функцию проводника между мирами.

Творческая способность рассказчика актуализуется благодаря его взаимодействию с донной Анной, которая существует в новелле как бы в двух измерениях. При всей своей нескромной прелести театральной актрисы, донна Анна неизменно озарена в новелле светом идеального мира. Ее красота имеет божественную природу, которая вызывает безудержное томление

[10] Возможно, аллюзия на платоновское представление о теле, являющемся «тюрьмой» для души («Федон»).

энтузиаста по идеалу, «пленительное безумие вечно неутоленной любви»[11].

Однако Гофман обнажает и оборотную сторону восхождения к Высшей Красоте. Титаническая попытка Дон Жуана, воплотить идеал на земле, способствует не только невыразимому томлению, платоновскому «стремлению к прекрасному». Напротив, именно романтическая тоска по высшему бытию приводит Дон Жуана к постепенному разрыву с мирозданием, еще большему погружению в стихию материального: «Враг рода человеческого внушил Дон Жуану лукавую мысль, что через любовь, через наслаждение женщиной уже здесь, на земле, может сбыться то, что живет в нашей душе как *предвкушение неземного блаженства* и *порождает неизбывную страстную тоску, связующую нас с небесами*»[12].

Двойственный статус донны Анны обусловлен также несомненным отождествлением ее в новелле со стихией музыки. Именно музыка, как наиболее бестелесная проекция всех искусств, становится для рассказчика «средством перехода в царство снов и чудесного»[13]. Неслучайно экстатическое состояние, в котором пребывает странствующий энтузиаст после небольшой порции шампанского и пунша, предваряется вторжением в его жизнь звуков. Это вполне соответствует и эстетической позиции Гофмана, по словам которого искусство возносит человека настолько, что он с «гордо поднятой головой и устремленным ввысь ликующим взором любуется Божественным и даже соприкасается с ним» [Виткоп-Менардо, 1999, с. 139].

Музыка во многом определяет и архитектонику новеллы, маркируя как первое пробуждение энтузиаста, так и последнее появление донны Анны, когда рассказчик постепенно погружается в сон, отрешаясь от всего земного. Это череда пробуждений в «Дон Жуане» имеет глубокий символический подтекст. Опираясь на поэтический опыт Шекспира и Кальдерона, Гофман берет на службу платоновскую метафору «тела как гробницы души» («Горгий»), показывая чрезвычайно тонкую грань между миром небесным и земным, жизнью и сном, иллюзией и реальностью: «Пусть сон, твой вестник, которого ты посылаешь навеять на смертных ужас или осчастливить их, – пусть, когда я усну и тело будет ско-

---

[11] *Гофман Э.Т.А.* Библиотека мировой новеллы. М.,2000. С.18.
[12] Там же. С. 22.
[13] E.T.A. Hoffmann: Leben, Werk, Wirkung. Berlin, Boston, 2012. S. 523.

вано свинцовыми путами, пусть унесет он мой дух в эфирные селения!»[14].

Таким образом, внешняя фрагментарность новеллы, ее нарочитая композиционная разорванность внутренне скрепляется платоновским мифом о бессмертии человеческой души, проходящей через долгую череду восхождений и падений. При всей универсальности этого мифа постижение Высшей Красоты в «Дон Жуане» остается доступным лишь энтузиасту, который стремится приблизиться к миру искусства при посредстве своей духовной возлюбленной.

«Золотой горшок»

Любовь, наполняющая смыслом жизнь не только отдельно взятого субъекта, но и всего мироздания, представлена Гофманом в новелле «Золотой горшок» (1814). Неоднократно подчеркивая диалектику чувственного томления и мысли в историях Фосфора и лилии, Саламандра и зеленой змеи и, наконец, Ансельма и Серпентины, Гофман отсылает нас к платоновскому представлению о любви как о единстве чувственного и интеллектуального восприятия: «Я знаю, что *мысль во мне вечна* и никакое враждебное начало не может ее уничтожить; а *что же такое эта мысль, как не любовь* Серпентины?»[15].

В гофмановской системе координат любовь вообще тесно сплетается с платоновской гносеологией, с познанием. Таинственная Серпентина, временами представляющаяся Ансельму то золотисто-зеленой змейкой с хрустальным голоском, то прелестной стройной девушкой с темно-голубыми глазами, выполняет в новелле функцию небезызвестного платоновского демона. На это указывает, как ее промежуточное положение медиатора, находящегося где-то посредине между миром чувственным и умопостигаемым, так и ее настойчивые обещания Ансельму будущего блаженства в мире поэзии: «Прекрасная лилия расцветет в золотом горшке, и мы будем жить счастливо, соединившись, жить *блаженной жизнью* в Атлантиде»[16].

Любовь к золотисто-зеленой змее помогает Ансельму расшифровать ранее недоступный язык макрокосма, открыть прежде за-

[14] *Гофман Э.Т.А.* Библиотека мировой новеллы. М., 2000. С. 24.
[15] Там же. С. 64.
[16] Там же. С. 76.

крытое для него «сердце природы». Невыразимая тоска (Sehnsucht nach der Liebe) не просто помогает вырваться энтузиасту из мира повседневности в блаженный мир Атлантиды. После получения героем золотого горшка освобожденная из царства материи природа обретает в Атлантиде собственный язык, а гиацинты, тюльпаны, розы, темные кусты, высокие деревья могут сказать наконец Ансельму в полный голос: «Мы с любовью будем шептаться над тобою, потому что *ты нас понимаешь*, потому что *любовь живет в груди твоей*».

Одна из самых часто повторяемых платоновских аллюзий в новелле связана также с мотивом анамнезиса, то есть «припоминанием» о мире идей, где душа должна была существовать, прежде чем попала «в оковы тела». Тоска по высшему бытию переосмыслена Гофманом в сентименталистском ключе, оборачиваясь то «мечтательной апатией» героя, то яркими эмоциональными всплесками, когда Ансельм грезит на лоне природы о своей неземной возлюбленной: «Он чувствовал, как в глубине его существа шевелилось что-то неведомое и причиняло ему ту *блаженную и томительную скорбь*, которая обещает человеку другое, высшее бытие»[17].

Однако идея Блага слабо различима в материальном мире, и даже такие «наивные поэтические души» как Ансельм срываются на более низкие, чувственно воспринимаемые уровни восприятия Красоты, порой принимая голубые глаза Вероники за глаза Серпентины. Отраженный свет Единого вдали от своего единственного источника неизбежно ослабевает. И если в Дрездене энтузиасту дано видеть золотисто-зеленых змеек лишь в рассеянном свете закатных лучей, то в волшебном мире Атлантиды этот свет становится невероятно ярким: «Никогда не поблекнут золотые лучи лилии, ибо с верою и любовью познание вечно»[18].

В материальном мире для постижения Истины герои вынуждены прибегать к помощи волшебных предметов, которые двоятся в новелле, растворяясь в длинной галерее взаимных отражений. Так, если зеркало («Kristallspiegel») архивариуса Линхорста открывает герою путь в высший мир, то магический артефакт, подаренный колдуньей («Metallspiegel») Веронике, напротив, затемняет суть вещей, являясь не столько их фальшивым, сколько – земным отражением. Блестящая отражающая поверхность золотого горшка

[17] *Гофман Э.Т.А.* Библиотека мировой новеллы. М., 2000. С. 44.
[18] Там же. С. 100.

сопоставлена в новелле с гладко полированным металлом, в котором автор видит только собственное лицо, «утомленное и грустное», «как регистратор Геербранд после попойки»[19] и т.п.

Невзирая на «заземленность» бюргерского восприятия, гносеологические способности энтузиастов и обывателей больше не поддаются в «Золотом горшке» отчетливой дифференциации. Этот мотив звучит, прежде всего, в девятой вигилии, когда под воздействием пунша Ансельм, Геербранд и Паульман выходят за пределы собственного «Я», впадая в по-настоящему ритуальное, вакхическое безумие: «Тут студент Ансельм и регистратор Геербранд схватили пуншевую миску, стаканы и с радостными восклицаниями стали бросать их к потолку, так что осколки со звоном падали кругом... «Бей металлическое зеркало! Рви глаза у кота! Птичка, птичка, со двора! *Эван, эвоэ, Саламандр*!» Так кричали и ревели все трое, точно бесноватые»[20].

Сумасшествие в новелле указывает не только на «искаженное мировосприятие протагониста», но и обозначает «заблуждение бюргерского мира как форму коллективного безумия»[21]. Это метафора пребывания любой человеческой души в сфере материального, в которой истинный смысл вещей неизменно ускользает от понимания: «Всякий раз, когда она (душа) устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает и познает, что показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смешения с мраком, возникновения и уничтожения, *она тупеет, становится подверженной мнениям*, меняет их так и этак, и, кажется, она лишилась ума»[22].

Впрочем, после долгой череды падений и восхождений индивидуальная душа может навсегда вернуться к Абсолюту, как это происходит с Ансельмом, переход которого в блаженное царство Атлантиды обещает (с известными оговорками!) будущее освобождение из рабства материи всего мироздания. Однако это возвращение к первоначалу возможно лишь для того, кто обладает верой и стремлением к познанию, необходимым для Платона условием нравственного восхождения человеческой души. Кто знает, может быть поэтому немецкий писатель выбирает в качестве героя своей новеллы студента?

---

[19] *Гофман Э.Т.А.* Библиотека мировой новеллы. М., 2000. С. 97.
[20] Там же. С. 83.
[21] E.T.A. Hoffmann: Leben, Werk, Wirkung. Berlin, Boston, 2012. S. 119.
[22] *Платон.* Государство // Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 263.

Как отмечают немецкие исследователи, неоплатоническая образность с ее многочисленными мифами, иносказаниями хорошо приживается в тексте новеллы даже в тщательно закодированном виде: «Гофман в "Золотом горшке" активно берет на службу герметизм, каббалу, алхимию. Здесь он пускает в ход целый арсенал алхимических слов, чтобы зашифровать облагораживание своего "лаборанта" Ансельма, его *платоническое единение* с Серпентиной и путешествие в Атлантиду»[23]. Претерпевая известную эволюцию по сравнению с более ранними новеллами, постижение истины приобретает в новелле специфичный для романтизма пантеистический характер: познание в «Золотом горшке» неразрывно связано не только с любовью, но и с верой в чудеса природы.

Заключение

Опираясь на гносеологическую модель Платона, Гофман намечает несколько путей постижения Истины. В первую очередь, это экстатическое переживание, которое сопровождается мистическим слиянием с единственным источником бытия. Второй, чрезвычайно востребованный в романтизме, путь – это платоновская эротика, которая находит отражение в томлении по божественному идеалу, воплощенном в женском облике. И, наконец, третий – это пограничное состояние сна, в котором душа сбрасывает с себя оковы телесного.

Платоновская идея реинкарнации, восходящая к орфико-пифагорейской традиции, становится тем скрытым кодом, который дает ключ к гофмановской поэтике. У Платона человеческая душа вынуждена вновь и вновь воплощаться в земном теле, что порождает анамнезис, ее тоску об изначальной родине, реализованную Гофманом в форме стремления к миру искусства, природы или любовного томления. Однако символическое ядро тоже подвергается испытанию платоновской диалектики.

Цель человеческого познания – воссоединение с Абсолютом, которое достигается благодаря интеллектуальной интуиции. Постижение идеального мира, однако, отягощается несовершенством любого человеческого восприятия, которому на земле Истина никогда не открывается не до конца. Фундаментальный же вопрос

[23] E.T.A. Hoffmann: Leben, Werk, Wirkung. Berlin, Boston, 2012. S. 57.

об окончательном слиянии индивидуальной души с Благом, принципиально не решается Гофманом до конца. Слишком уж диффузны его взаимопроникающие друг в друга ипостаси...

Список литературы

Виткоп-Менардо Г. Э.Т.А. Гофман, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск, 1999.

Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998.

Benz R. Die deutsche Romantik: Geschichte einer geistigen Bewegung. Stuttgart., 1956.

E.T.A. Hoffmann: Leben, Werk, Wirkung. Berlin, Boston., 2012.

Cramer T. Das Groteske bei E.T.A. Hoffmann. München., 1966.

Negus K. E.T.A. Hoffmanns Other World. Romantic Author and his New Mythology. Philadelphia, 1965.

Поступила в редакцию
02.09.2015

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

А.А. Гладкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: gladkova_a@list.ru

ЖУРНАЛЬНЫЙ РЫНОК НИДЕРЛАНДОВ В ЭПОХУ РАЗМЕЖЕВАНИЯ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКОВ *ELSEVIER, VRIJ NEDERLAND, DE GROENE AMSTERDAMMER*)

В работе рассмотрены трансформации, которым подвергся журнальный рынок Нидерландов после исчезновения в 1960–1970-х гг. в этой стране явления размежевания, известного также как «система четырех колонн». На примере трех наиболее крупных еженедельных журналов – Elsevier, Vrij Nederland и De Groene Amsterdammer – выявлены тенденции развития журнального рынка Нидерландов после исчезновения размежевания, сделаны выводы об изменении целевой аудитории изданий, их динамики тиражей, охвата аудитории, ключевых экономических стратегий, а также миссии журналов в новой общественно-политической обстановке. Как показало настоящее исследование, нидерландские еженедельные издания претерпели ряд изменений после распада «системы колонн», выражающиеся в падении тиражей и доли изданий в сегменте общественно-политических еженедельников, переориентации изданий со сторонников определенных политических партий на более широкую читательскую аудиторию, отход от партийной прессы в сторону «изданий для всех» и другие.

Ключевые слова: *размежевание, еженедельники, Нидерланды, Elsevier, Vrij Nederland и De Groene Amsterdammer.*

The paper examines transformation of the Dutch magazine market after the dissolution of the pillarization system, i.e. the division of the society into four 'pillars', in the Netherlands in 1960–1970s. The study of the three biggest weeklies – Elsevier, Vrij Nederland u De Groene Amsterdammer – revealed trends of the Dutch magazine market's development in the post-pillarization time, and outlined changes in the target audience of the weekly magazines, their circulation rates, audience reach, the mission of the weeklies under new social and political conditions. The current research showed that the Dutch weeklies underwent a number of changes after the disappearance of the four 'pillars'; these changes include the decline in circulation rates and the share of weeklies under analysis in the segment of opinion magazines, the transformation of the target audience from supporters of particular political parties to a broader group of people, the shift from party press to 'catchall media', etc.

Key words: *pillarization, weeklies, the Netherlands, Elsevier, Vrij Nederland u De Groene Amsterdammer.*

Введение

На формирование нидерландской медиасистемы значительное влияние оказало существовавшее в этой стране с начала и до второй половины XX в. уникальное явление «размежевания». Под данным термином (нидерл. «verzuiling», англ. «pillarization») понимается система общественного устройства, основанная на четырех мировоззренческих течениях или «колоннах», – католической, протестанской, социал-демократической и либеральной [Братусь, 2009, с. 229-230]. Появившееся в начале XX в. размежевание просуществовало в Нидерландах до 1960–1970-х гг. У каждой из «колонн» в этот период имелись свои социальные институты, а также средства массовой информации, учредителями которых являлись в большинстве случаев политические партии соответствующих общественно-политических групп.

Автономное существование было свойственно «колоннам» в основном до начала Второй мировой войны – в течение так называемого первого этапа в развитии системы «колонн»: с начала XX в. по 1930-е гг. Период 1940–1960-е гг. можно классифицировать как второй этап, во время которого в Нидерландах впервые начали возникать дискуссии о целесообразности деления общества на автономные группы. Наконец, с 1960 по 1970-е гг. – время, когда система «колонн» начала постепенно исчезать, и в настоящее время ее практически не существует, но элементы социального размежевания можно по-прежнему наблюдать в ряде случаев. В частности, речь идет о традиционной принадлежности нидерландской прессы к одной из четырех общественно-политических групп, что и будет рассмотрено далее.

Следует обратить внимание на то, что в период становления и существования в Нидерландах явления размежевания издание прессы внутри каждого из четырех сегментов происходило под эгидой политических объединений и движений. Речь шла как об открытом провозглашении политической линии редакции и поддержке газетой определенного мировоззренческого течения, так и о значительном объеме материалов на темы, касающиеся своей «колонны», и игнорировании событий, относящихся к сфере деятельности других «колонн», или представлении их в негативном ракурсе [Гладкова, 2012]. Уместно сказать, что партийные издания «колонн» предоставляли читателю, таким образом, одностороннюю трактовку событий и явлений: если требовалось опублико-

вать экспертное мнение по какому-либо вопросу, приглашенный эксперт обязательно должен был разделять взгляды соответствующей «колонны». Освещаемые на страницах изданий события в подавляющем большинстве случаев происходили внутри собственной «колонны», новости общегосударственного уровня были представлены в меньшей степени и обязательно сопровождались трактовкой точки зрения «колонны», к которой относилось это издание. Наконец, целевой аудиторией партийной прессы являлись сторонники определенной «колонны», а журналисты в свою очередь выступали в качестве трансляторов взглядов и идей своей «колонны»: объективной, многосторонней трактовки событий в период размежевания практически не было [там же].

После распада системы «колонн» во второй половине XX в., вызванного рядом факторов (социальными и экономическими преобразованиями в стране после Второй мировой войны, изменениями в массовом сознании граждан, уменьшением количества нидерландцев, регулярно посещающих церковь, и переходом большой доли населения в категорию, не относящую себя ни к какому религиозному течению[1], влиянием культурной и сексуальной революций в мире, постепенной гомогенизацией нидерландского общества под влиянием факторов глобального характера и т.д.), нидерландские СМИ подверглись ряду существенных трансформаций. Изменения затронули как выбор целевой аудитории СМИ, так и роль журналиста, наличие или отсутствие взаимосвязи публикуемого контента с идеологической линией партии, роль и место партийной печати в обществе и многое другое [Гладкова, 2015б]. В этом контексте некоторые исследователи считают возможным говорить об утрате нидерландской медиасистемой [Гладкова, 2012, 2015а, 2015б; Brüggemann et al, 2014] свойственных ей ранее уникальных особенностей и постепенное сближение ее с медиасистемами других европейских стран.

В настоящей работе предпринимается попытка проследить, как трансформировались нидерландские еженедельные издания после исчезновения системы «колонн» во второй половине XX в., а также определить место этих изданий на современном печатном рынке Нидерландов. Отметим, что обращение именно к еженедельным изданиям в контексте данного исследования обусловлено специфическими характеристиками такого типа изданий; в их числе тематическая универсальность, особый характер информа-

[1] De religieuze kaart van Nederland: 2010–2013. URL: www.cbs.nl

ции – сочетание оперативно-событийной информации с тематически-познавательной, ее публицистическая направленность [Шостак, 1986], большая глубина рассмотрения тем, по сравнению с ежедневными изданиями, аналитический подход к созданию журналистских материалов и т.д. На наш взгляд, было бы интересно проследить, как еженедельные издания, представляющие собой особый сегмент изданий на печатном рынке страны, отреагировали на изменение социально-политической структуры и переход Нидерландов от модели демократического корпоративизма к либеральной медиамодели [Hallin, Mancini, 2004] – тенденции, отмеченной в работах российских и зарубежных исследователей [Гладкова, 2012, 2015а, 2015б; Brüggemann et al, 2014]. Помимо этого, еженедельные издания Нидерландов являются не изученным сегментом в российской научной практике: в отличие от ежедневных газет Нидерландов, рассмотренных отечественными исследователями [Гладкова, 2012, 2015а, 2015б] ранее, а также еженедельных изданий других европейских стран [Гофман, 1999; Санкова, 2010; Высоков, 2011; Новаковски, 2014], анализ еженедельной прессы в Нидерландах до настоящего времени российскими исследователями не проводился. Этот факт позволяет, в свою очередь, говорить о научной новизне данного исследования.

В качестве выборки в работе использованы три еженедельных журнала, принадлежащих к группе общественно-политических (так называемые ‘opiniebladen’), – Elsevier, Vrij Nederland и De Groene Amsterdammer. Выбор изданий обусловлен рядом факторов: историческим прошлым этих изданий (выпуск журналов как во времена размежевания, так и на современном этапе дает возможность оценить трансформации, которым подверглись издания после исчезновения в Нидерландах системы «колонн»), их принадлежностью к группе общественно-политических журналов (на наш взгляд, влияние феномена размежевания, учитывая его политическую природу, с большей очевидностью проявляется именно в этой группе журналов, в отличие, например, от еженедельной прессы для женщин), а также лидирующими позициями изданий на нидерландском журнальном рынке, речь о котором пойдет далее.

Основная гипотеза, которую мы рассчитываем проверить в ходе работы, заключается в том, что нидерландские еженедельные издания подверглись ряду трансформаций после исчезновения системы размежевания и постепенного перехода Нидерландов от модели демократического корпоративизма к либеральной медиа-

модели [Hallin, Mancini, 2009]. Отметим, что в настоящем исследовании рассматриваются только трансформации, касающиеся количественных показателей изданий, – их тиражей, охвата аудитории, доли в сегменте общественно-политических изданий, а также миссии изданий и особенностей их самоидентификации – как изданий соответствующих «колонн» или еженедельной прессы, ориентированной на широкую аудиторию. Автор осознает, что для получения более полного представления о трансформациях, которым подверглись еженедельные издания в контексте меняющейся структуры общества и медиасистемы, требуется контент-анализ материалов выбранных изданий и рассчитывает дополнить настоящий обзор подобными данными на следующем этапе исследования. Признавая достаточно узкий фокус данной работы, мы надеемся, однако, что она внесет вклад в исследование состояния журнального рынка Нидерландов во времена системы «колонн» и на современном этапе, и определит место трех наиболее крупных еженедельников на этом рынке.

Журнальный рынок Нидерландов в эпоху размежевания и на современном этапе

Начнем с того, что популярность печатной прессы в Нидерландах традиционно была довольно высокой, что позволило ряду исследователей отнести эту страну к группе «газетных» стран, т.е. тех, где число газет на 1 000 чел. наиболее высоко [Вартанова, 2003]. Во времена размежевания совокупный годовой тираж ежедневных газет в Нидерландах стабильно повышался с каждым годом: 2,864 млрд в 1955 г., 3,199 – в 1960, 3,565 – в 1965, 4,153 – в 1970 г. [Rooij, 1974]. Для печатной прессы того времени была характерна доступность изданий широкой аудитории [Hallin, Mancini, 2009], тематическое и жанровое разнообразие печатного рынка, обусловленное стремлением удовлетворить запросы разных общественно-политических групп («колонн»), поддержка печатных изданий политическими партиями и объединениями, зависимость читательских предпочтений от региона проживания аудитории[2] и другие. Данные тенденции были в определенной сте-

[2] Так, например, в нидерландских провинциях Зееландия, Южная Голландия, Гелдерланд и Оверэйсел, входивших в «Библейский пояс» (De Bijbelgordel), – регион с наиболее сильными консервативными протестантскими традициями, – популярностью традиционно пользовались издания протестантской направленности: Trouw, De Standaard, De Rotterdammer, Reformatorisch Dagblad.

пени свойственным всем типам печатных изданий, включая еженедельники, тираж которых во времена размежевания также был довольно высок. Приведем для примера динамику изменения совокупного разового тиража еженедельного издания Elsevier: 120 тыс. в 1948 г., 125 тыс. в 1960, 133 тыс. в 1977 г. [Van de Plasse, 2005].

Несмотря на то, что ряд еженедельных изданий выходил в свет как до появления в Нидерландах системы «колонн», так и в период ее расцвета (среди них старейший общественно-политический еженедельник De Groene Amsterdammer (первый выпуск – 1877 г.), Haagse Post (1914 г.), Vrij Nederland (1945 г.), Elsevier (1945 г.) и другие), исследователи сходятся во мнении, что наибольшей популярностью еженедельники начали пользоваться в 1970-1980-х гг., после формального исчезновения в Нидерландах системы размежевания [Bakker, 2014; Bergmans, 2015]. Этот факт был в значительной степени обусловлен спецификой еженедельной прессы – более детальной и всесторонней трактовкой событий, независимостью большинства еженедельных изданий от политических сил, их стремлением предоставить читателю объективную и полную информацию, что, в свою очередь, соответствовало настроениям в обществе после распада системы «колонн». В ответ на запросы аудитории сегмент еженедельных изданий со временем расширился; в него помимо общественно-политические изданий (к ним в частности относятся De Groene Amsterdammer, Elsevier и Vrij Nederland), распространенных и ранее, в эпоху социального размежевания, вошли другие жанрово-тематические СМИ: еженедельные издания для женщин (Margriet, Flair и другие), телевизионные и радиогиды (Mikro Gids, AVRObode, NCRV-gids и другие), издания для детей и подростков (Kidsweek, 7Days и другие). Интересно, что сегодня именно радио- и телегиды с периодичностью выхода раз в неделю занимают лидирующую позицию на журнальном рынке Нидерландов: совокупный годовой тираж изданий этой группы составляет 119 млн экз., а общее число таких изданий составляет 14, уступая только изданиям для женщин (25 наименований).

С течением времени, однако, нидерландские еженедельники испытали на себе вызовы времени, в первую очередь связанные с финансовыми и экономическими трудностями для рынка печатной прессы. Ряд изданий, например, Accent (годы выпуска: 1968–1978) и Nieuwe Linie (1946–1977) были закрыты, другие были объе-

динены в рамках более крупного издания, как это произошло с Haagse Post и De Tijd, образовавших совместный проект HP/De Tijd в 1990 г. Неожиданным вызовом для сегмента еженедельных изданий стали специальные выпуски ежедневных газет, выходящие в свет раз в неделю, и по сути выполнявшие для большой части аудитории роль еженедельных изданий [Bergmans, 2015]; среди них специальные выпуски NRC Handelsblad, Algemeen Dagblad и другие газеты.

Как и ежедневные газеты, существенно снизившие свой совокупный годовой тираж в начале XXI в. по сравнению с аналогичными показателями в эпоху размежевания [Гладкова, 2015*a*], рынок еженедельной прессы продемонстрировал значительное падение тиражей[3]: от 13,082 млн экз. в 2003 г. до 8 млн экз. в 2014 г.[4] Совокупный годовой тираж наиболее популярных изданий на журнальном рынке Нидерландов – теле- и радиогидов – продемонстрировал падение в среднем на 9% с 2010 по 2014 гг.[5] Аналогичная ситуация характерна и для еженедельников других жанрово-тематических групп: так, общественно-политические еженедельники снизили свой совокупный годовой тираж на 4 млн за последние четыре года: 12 млн в 2010 г. и 8 млн в 2014 г. Однако тенденция падения тиражей, как показывает опыт других европейских стран (Тредлер, 2011; Вороненкова, 2015), является достаточно универсальной и свойственной большинству стран Европы сегодня.

Одной из причин падения тиражей еженедельных изданий, как и в случае с ежедневной прессой, стало активное распространение в 2000-е гг. цифровых технологий и переход нидерландских еженедельников под влиянием Интернета на аудиторию и рекламный рынок в онлайн-формат – тенденция, свойственная большинству европейских стран на современном этапе. По результатам исследования, проведенного нидерландской организацией NOM (Nationaal Onderzoek Multimedia), изучающей тенденции развития печатных и электронных СМИ Нидерландов, в

[3] Mediamonitor // Opiniebladen in 2005. URL: http://www.mediamonitor.nl/mediamarkten/tijdschriften/opiniebladen-in-2005/; Mediamonitor // Tijdschriften in 2014. URL: http://www.mediamonitor.nl/mediamarkten/tijdschriften/tijdschriften-in-2014/

[4] В данном случае имеется в виду статистика по так называемым ‘opiniebladen’ (нидерл.), т.е. общественно-политическим журналам, к которым принадлежат рассматриваемые нами издания De Groene Amsterdammer, Elsevier и Vrij Nederland.

[5] Mediamonitor // Tijdschriften in 2014. URL: http://www.mediamonitor.nl/mediamarkten/tijdschriften/tijdschriften-in-2014/

2013–2014 гг. был зафиксирован рост аудитории цифровых версий печатных изданий. Так, 36% аудитории сегодня читает их на компьютере, 22,8% – на планшетных устройствах, 20,8% – на смартфоне[6].

Онлайн-версии сегодня есть у подавляющего большинства нидерландских еженедельных изданий, причем значительное внимание в них уделяется взаимодействию с Интернет-аудиторией посредством различных интерактивных функций (форумов, онлайн-опросов, объявлений и т.д.). Нередко также еженедельники предлагают в рамках своих онлайн-версий специальные тематические разделы, посвященные актуальным событиям в стране и в мире, отсутствующие в ежедневных газетах. Так, например, на официальном вебсайте еженедельника Elsevier[7] представлены разделы #Migratie и #VS2016, подробно освещающие вопросы возросшей в 2015 г. миграции в Нидерланды, а также приближающиеся президентские выборы в США в 2016 г. Добавим в этой связи, что именно Elsevier имеет наиболее высокие показатели по охвату ежемесячной аудитории за октябрь 2014 г. среди общественно-политических еженедельных изданий: суммарный охват интернет-аудитории 13+ у Elsevier составляет 2,8%, а число уникальных пользователей его онлайн-ресурса – 1 279 000 чел. в месяц[8], в то время как аналогичные показатели у Vrij Nederland, для примера, составляют лишь 1% и 177 тыс. чел. соответственно[9].

Еженедельники Elsevier, Vrij Nederland и De Groene Amsterdammer на нидерландском журнальном рынке

Предваряя более детальное рассмотрение еженедельных изданий Elsevier, Vrij Nederland и De Groene Amsterdammer, отметим, что они относятся к группе общественно-политических журналов, совокупный годовой тираж которых сос тавляет сегодня 8 млн экз. Общее число изданий, принадлежащих к данной группе, составляет в настоящее время 5 наименований, что, безусловно, значительно меньше, чем аналогичные показатели по изданиям для женщин (25 наименований), для подростков (12), а также теле- и радиогидам (14) с той же периодичностью. Доля

[6] Mediamonitor // Dagbladen in 2013. Op cit.
[7] URL: http://www.elsevier.nl
[8] Verenigde Internet Exploitanten. URL: http://www.vinex.nl/resultaten/archief/2014/
[9] Ibid.

общественно-политических изданий в совокупном годовом тираже нидерландских журналов также сравнительно невелика: 1,9%, что составляет очевидный контраст с уже упомянутыми теле- и радиогидами (28,7%) и изданиями для женской аудитории (21,4%)[10].

Рассматриваемые нами издания принадлежат к лидирующей тройке общественно-политических журналов в Нидерландах, что обусловило, в свою очередь, их выбор для анализа в настоящей работе: так, доля Elsevier в сегменте общественно-политических изданий составляет сегодня рекордные 63,4%; на долю Vrij Nederland и De Groene Amsterdammer приходится 19,6% и 12% соответственно. Оставшиеся два издания этой группы – HP/De Tijd и Ode значительно уступают указанной тройке: их доли в сегменте общественно-политических журналов составляют менее 3%[11]. Интересно при этом, что разовый тираж HP/De Tijd (22 155 экз.) несколько выше, чем у De Groene Amsterdammer (19 814 экз.). Elsevier является также однозначным лидером и по этому показателю: его совокупный разовый тираж приближается к 90 тыс.

Указанные еженедельники сближает также их основная форма распространения: так, подавляющее большинство печатных номеров Elsevier (90%), De Groene Amsterdammer (87%) и Vrij Nederland (83%) распространяются по подписке, в то время как еженедельник HP/De Tijd основной доход получает, наоборот, от розничной продажи (67%)[12]. Отметим в этой связи, что для печатного рынка Нидерландов в целом характерно превалирование подписки над розничным распространением: в 2014 г. общее число ежедневных газет, распространенных по подписке, составило 768 млн экз., в то время аналогичный показатель по розничной продаже изданий достиг только 40 млн[13]. Рассмотрим выбранные еженедельные издания более подробно.

Еженедельник *Elsevier* (рус. «Эльзевир») впервые вышел в свет 27 октября 1945 г. под названием Elseviers Weekblad. Предшественником его был ежемесячный иллюстрированный журнал Elsevier's Geïllustreerd Maandschrift, первый номер которого был выпущен в

[10] Mediamonitor // Tijdschriften in 2014. Op. cit.

[11] Ibid.

[12] Lezersprofiel Vrij Nederland. URL: http://www.weekbladpers.nl/web/Adverteren-1/Vrij-Nederland/Het-blad.htm

[13] Mediamonitor // Dagbladen in 2014. URL: http://www.mediamonitor.nl/mediamarkten/dagbladen/dagbladen-in-2014/

1891 г., когда система размежевания в Нидерландах только начинала формироваться. Публикация ежемесячного издания была остановлена после оккупации страны немецкими войсками в 1940 г. и возобновлена только после окончания Второй мировой войны, уже под новым названием Elsevier и с новой периодичностью выхода – раз в неделю. Основной миссией журнала с момента основания было предоставление читателям объективной и правдивой информации о состоянии дел в стране и в мире. Главный редактор журнала Хенк Люнсхоф и директор издательского дома Elsevier Ян Питер Клаутц особенно подчеркивали формальную независимость журнала от каких-либо политических партий или «колонн»[14]. Вместе с тем, редакция журнала не скрывала близости своих взглядов политическим убеждениям некоторых партий, в частности либеральному движению Народной партии за свободу и демократию[15].

После исчезновения в Нидерландах явления размежевания Elsevier заявил об изменении своего идеологического курса и отказе от политических ориентиров в пользу «более многоплановой и объективной трактовки событий, с большим количеством фактов и меньшей идеологической направленностью, чем раньше»[16]. Интересно, что несмотря на смену идеологической направленности журнала, его целевая аудитория осталась прежней: образованная часть населения, имеющая достаточно высокий уровень дохода и стремящаяся получить подробную и объективную информацию об актуальных событиях в стране и в мире[17]. Этот факт представляется особенно любопытным, если учесть кардинальную смену целевой аудитории ежедневных изданий за аналогичный период [Гладкова, 2012]: так, во времена размежевания ежедневные газеты были нацелены преимущественно на сторонников определенной общественно-политической группы, а после исчезновения «колонн» они перешли в разряд изданий для всех, так называемых catchall media [Hallin, Mancini, 2009]. Этот факт можно, на наш взгляд, объяснить изначально более тесной связью между ежедневной прессой и политическими течениями – как идеологической, так и экономи-

[14] Под формальной независимостью в данном случае имелась в виду прежде всего финансовая независимость от политических партий, поддерживавших ряд печатных изданий во времена размежевания.

[15] Over Elsevier. URL: http://www.elsevier.nl/Over-Elsevier/

[16] Ibid.

[17] Elsevier Weekblad. URL: http://www.elseviermedia.nl/elsevier-weekblad-4/

ческой (т.е. прямыми дотациями от политических партий на развитие соответствующих газет), отразившейся в том числе на выборе целевой аудитории изданий.

Анализ динамики тиражей журнала Elsevier во времена системы «колонн» и на современном этапе подтвердил обозначенную ранее тенденцию о постепенном падении тиражей печатных изданий в Нидерландах. Так, в период существования в Нидерландах явления размежевания (1940–1970-е гг.) совокупный разовый тираж журнала составлял в среднем 120-125 тыс. экз. [Van de Plasse, 2005]. Начало 2000-х гг. было ознаменовано некоторым ростом тиражей издания (137 тыс. в 2005 г., 142 тыс. в 2006 г., 147 тыс. в 2007 г.)[18], однако под влиянием экономического кризиса 2008 г. тиражи Elsevier, как и многих других еженедельных и ежедневных изданий упали: 142 тыс. в 2008 г., 133 тыс. в 2009 г., 130 тыс. в 2010 г. Сегодня совокупный разовый тираж еженедельника составляет только 90 тыс. экз. Аналогичная тенденция наблюдается и при анализе охвата аудитории категории 13+: достигнув наиболее высоких показателей в 2008 г. (6,3%), охват аудитории печатной версии Elsevier стал неуклонно уменьшаться: 6% в 2009 г., 5,4% в 2010 г., 5% в 2011 г. и т.д. Как мы уже предположили ранее, эта тенденция может быть связана в том числе с активным распространением в Нидерландах цифровых технологий и перехода части аудитории в Интернет.

Еженедельник *Vrij Nederland* (рус. «Свободные Нидерланды») был основан на пять лет ранее, чем Elsevier: первый номер этого издания вышел в свет 30 августа 1940 г. в период оккупации Нидерландов немецкими войсками. В это время в стране существовало несколько крупных нелегальных изданий, каждое из которых принадлежало к определенной «колонне»: в их числе была протестантская газета Trouw, социалистическая Parool, а также газета Vrij Nederland, близкая по идеологии сначала протестантской «колонне», а затем примкнувшая к социал-демократическому крылу [Lijphart, 2008: 56]. После освобождения Нидерландов Vrij Nederland продолжила свою работу уже как еженедельное издание, постепенно отходя от идеологии социал-демократической «колонны» в сторону изданий для всех, и в настоящее время по-

[18] Сравнивая тиражи издания во времена размежевания и в начале XX в., следует помнить о темпах роста населения Нидерландов в указанные периоды: так, общее число жителей составляло в среднем 10 млн чел. в 1950 г., 11 млн чел. в 1960 г., 12 млн чел. в 1970, и – для сравнения – 15 млн чел. в 2000 г. и 16 млн чел. в 2005 г. URL: http://www.cbs.nl/nl-NL/menu/home/default.htm

зиционирует себя как журнал, публикующий материалы на разнообразные темы, «расширяющие кругозор и просвещающие читателя, а также заставляющие задуматься и вдохновляющие его»[19].

Целевой аудиторией издания, как и в случае Elsevier, являются хорошо образованные читатели с высоким уровнем дохода и стабильной работой, преимущественно старшей возрастной группы (35+)[20]. Вместе с тем, в отличие от Elsevier, еженедельник Vrij Nederland подвергся более заметным трансформациям после исчезновения в Нидерландах размежевания, принимая во внимание его историческую принадлежность к изданиям «колонн» – сначала протестантской, а затем социал-демократической направленности. Характерно, что наиболее высокие тиражи у издания были в период Второй мировой войны, когда Vrij Nederland выходил в свет как оппозиционная газета, нацеленная преимущественно на сторонников одной «колонны», – более 100 тыс. экз. [Van de Plasse, 2005]. С исчезновением в Нидерландах явления размежевания и переориентацией прессы на более широкую аудиторию, тиражи Vrij Nederland поначалу возросли еще больше: 117 тыс. экз. в 1978 г. и 111 тыс. в 1980 г. [там же], что подтверждает выдвинутый ранее тезис о большой популярности еженедельной прессы в постсегментированный период. В дальнейшем, однако, Vrij Nederland испытал на себе влияние тех же тенденций, что и Elsevier (экономический кризис 2008 г. и связанное с этим сокращение затрат на издание и распространение журнала; переход значительной доли читательской аудитории в Интернет и – следовательно – сокращение охвата аудитории печатной версии журнала и т.д.). В 2008 г. совокупный разовый тираж еженедельника составлял 47 тыс. экз., и в дальнейшем он снижался в среднем на 3-4 тыс. экз. в год. Сегодня тираж Vrij Nederland составляет только 32 тыс. экз., а охват аудитории его печатной версии приближается к 1,2%[21].

Третий из рассмотренных в настоящем исследовании еженедельников – журнал *De Groene Amsterdammer* (рус. «Зеленый амстердамец»), старейшее нидерландское издание общественно-политической направленности (основан в 1877 г.). Изначально журнал носил название De Amsterdammer, однако вскоре после

[19] Over VN. URL: http://www.vn.nl/service/over/
[20] Lezersprofiel Vrij Nederland. Op. cit.
[21] Ibid.

своего первого выпуска он получил неофициальное название De Groene Amsterdammer в честь цвета чернил на первой полосе газеты – зеленого. В 1925 г. журнал официально изменил свое название на De Groene Amsterdammer.

Характерно, что уже в первом выпуске издания редакционная коллегия четко обозначила независимость журнала от каких-либо политических движений или «колонн»: «Ни одна партия не будет нами управлять; мы никогда не пожертвуем нашей независимостью ради одного из политических движений»[22] – говорилось в манифесте журнала. Руководствуясь этим принципом, De Groene Amsterdammer выпускал материалы преимущественно нейтрального характера, не поддерживая существующие во времена размежевания политические объединения и стремясь к максимальной объективности при освещении событий.

Возможно, благодаря изначальной ориентации издания на достаточно широкую аудиторию его тиражи не претерпели столь значительных изменений после исчезновения в Нидерландах явления размежевания: 12 тыс. в 1939 г., 16 тыс. в 1970 г., 17 тыс. в 1980 г. [Van de Plasse, 2005], а в начале 2000-х гг., пережив некоторый спад тиражных показателей (14,5 тыс. в 2005 г., 13 тыс. в 2006 г. и т.д.)[23], De Groene Amsterdammer – единственный из всего сегмента общественно-политических журналов в Нидерландах – успешно преодолел кризис 2008 г. и с 2009 г. начал уверенно увеличивать свой совокупный разовый тираж в среднем на несколько тысяч в год (2009 г. – 15 тыс. экз., 2010 г. – 18 тыс. экз., 2011 г. – 22 тыс. экз.). Сегодня его тираж составляет 19,8 тыс. экз., а охват аудитории печатной версии журнала – около 0,5%.

По мнению издателя журнала Тона Готье, причиной успеха De Groene Amsterdammer в посткризисный период стала переориентация издания с возрастной группы 35+ (на которую, как уже было упомянуто, преимущественно ориентируются Elsevier и Vrij Nederland) на студенческую молодежь, более активное распространение журнала в университетских городах (г. Лейден, г. Неймеген и другие), предоставление студентам временной бесплатной подписки на журнал, увеличение количества киосков, распространяющих журнал, по всей стране и т.д.[24] Отметим, что эти меры

[22] Historie. URL: http://www.groene.nl/pagina/historie

[23] Mediamonitor // Opiniebladen in 2006. URL: http://www.mediamonitor.nl/mediamarkten/tijdschriften/opiniebladen-in-2006/

[24] Over de groei van De Groene. URL: http://www.mediafacts.nl/Actueel/detail/over-de-groei-van-de-groene

помогли также изданию заметно увеличить свою долю в сегменте общественно-политических изданий: с 5,5% в 2008 г. до 12% в 2014 г. – тенденция, также характерная только для De Groene Amsterdammer в этот период.

Заключение

Исследование показало, что нидерландские еженедельные журналы подверглись ряду трансформаций после исчезновения в Нидерландах во второй половине XX в. явления социального размежевания. Изменения коснулись их тиражей – в настоящее время чаще всего более низкие, чем во времена системы «колонн»; охват аудитории, также уступающий аналогичным показателям XX в.; миссия изданий и их близость к политическим партиям: в настоящее время нидерландские еженедельники открыто заявляют о своей независимости от каких-либо политических и идеологических течений.

Вместе с тем, мы обнаружили, что в отличие от ежедневных газет [Гладкова, 2012], целевая аудитория еженедельников изменилась со времен размежевания не столь значительно. Причиной этому стала изначальная ориентация большинства еженедельных изданий на достаточно широкий круг читателей, имеющих высокий уровень образования и желающих получить с помощью СМИ объективную и многостороннюю картину событий; в то время как целевой аудитории ежедневных газет чаще всего являлись сторонники определенной политической партии и соответствующей «колонны» [там же]. Исключение в данном случае составляют только еженедельные издания, первоначально выходящие в формате ежедневной газеты одной из нидерландских «колонн», например, Vrij Nederland. Аудитория таких изданий изменилась под влиянием социальных преобразований довольно сильно, учитывая более тесную связь газет и журналов этого типа с одним из общественно-политических течений страны. Следует подчеркнуть еще раз, однако, что подавляющее большинство нидерландских печатных изданий, в том числе рассмотренные в настоящем исследовании, сегодня ориентируются на широкую аудиторию, а не на сторонников определенной политической или идеологической группы, как это было во времена размежевания.

Отметим в итоге, что данные выводы стали возможными на основе исключительно количественного анализа рынка еженедельной прессы Нидерландов и конкретно трех общественно-политических еженедельников. Автор признает, что для более подробной характеристики изменений, которым подвергся журнальный рынок этой страны после исчезновения системы «колонн», требуется более глубокий качественный анализ содержания еженедельников в разные временные периоды и рассчитывает дополнить имеющиеся данные результатами такого анализа в будущем.

Список литературы

Братусь И.Б. Нидерланды. Опыт лингвострановедческого словаря. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект пресс, 2003.

Вороненкова Г.Ф. Тренд-2014: усиление концентрации в печатной периодике Германии // Медиаскоп. 2015. № 3.

Высоков Ю.В. «Камбио 16» в политическом процессе (по материалам 1975–1978 гг.) // Медиаскоп. 2011. № 2.

Гладкова А.А. Пресса Нидерландов в контексте системы размежевания. М.: Ф-т журн. МГУ, 2015 *а*.

Гладкова А.А. Нидерландская медиасистема на современном этапе: переход от демократического корпоративизма к либеральной медиамодели // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 6 *б*.

Гладкова А.А. Трансформация газетной прессы Нидерландов в XX–XXI вв. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). М.: Ф-т журн. МГУ, 2012.

Гофман И.Ю. Современная еженедельная печать Италии: особенности системы и специфика общественно-политических изданий. Дисс... канд. филол. наук. М., 1999.

Новаковски А. Образ России в польских авторитетных публицистических еженедельниках «Политика» и «В сети» // Политическая лингвистика. 2014. № 2.

Санкова Л.В. Новостные еженедельники Германии в условиях экономического кризиса // Медиаскоп. 2010. № 2.

Тредлер И.Л. Печатные СМИ Австрии в условиях кризиса // Медиаскоп. 2011. № 2.

Шостак М. Еженедельник как тип издания. М.: МГУ, 1986.

Bakker P. Meer opinies, minder opiniebladen – 1/2 // Journalismlab, 10.01.2014. URL: http://www.journalismlab.nl/2014/01/meer-opinies-minder-opiniebladen-12/

Bergmans A. Opinie. 2015. URL: http://www.tijdschriftencanon.nl/venster/30/opinie

Brüggemann M., Engesser S., Büchel F., Humprecht E., Castro L. Hallin and Mancini Revisited: Four Empirical Types of Western Media Systems // Journal of Communication. 2014. Vol. 64 (5).

Hallin D.C., Mancini P. Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics. New York: Cambridge University Press, 2009.

Lijphart A. Verzuiling, Pacificatie en Kentering in de Nederlandse Politiek. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008.

Van de Plasse J. Kroniek van de Nederlandse dagblad-en opiniepers. Otto Cramwinckel Uitgever, 2005.

Поступила в редакцию
20.11.2015

Е.С. Голоусова, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета, Екатеринбург; e-mail: lizagolousova@gmail.com
Д.Л. Стровский, доктор политических наук, профессор кафедры истории журналистики департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета, Екатеринбург; e-mail: strovsky@mail.ru

ТЕМА ЖЕНСКОГО СЕКСУАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛЯНЦЕВОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ)

Отношение отечественных СМИ к теме сексуального здоровья долгое время определялось специфическими духовными и идейными установками, существовавшими на государственном уровне и ограничивавшими публичное обсуждение этих вопросов. Серьезные изменения в их восприятии произошли лишь после распада Советского Союза. Глобальные перемены коснулись в те годы различных сфер жизни, включая и самую интимную. В данной статье рассматривается роль, которую сыграли СМИ в постановке данной темы. В статье уделяется внимание специфике сексуального просвещения на протяжении советского и постсоветского периодов. Представлены результаты авторского исследования содержания ведущих российских изданий для женщин, пишущих на эту тему – русской версии журнала «Cosmopolitan», «Женское здоровье» и «Psychologies». Авторы обратились именно к этой периодике, учитывая, что это массовые издания, нацеленные на максимально широкую аудиторию, которые как раз во многом способствуют популяризации темы сексуального здоровья в целом.

Ключевые слова: *сексуальное здоровье, сексуальность, стереотипы поведения, контент-анализ СМИ.*

This article focuses on the theoretical frameworks of sexual health in Russian society based on its historical evolution and the media coverage of these issues. The main focus is paid to the female sexual health following that namely the female sexuality and the changes in its patterns promote better understanding of the general transformation of the Russian society that occurred over the last decades. The authors investigate the contents of different Russian language magazines such as the Russian version of Cosmopolitan, Zhenskoe zdorovye ('Women's Health') and Psychologies envisaged as the pioneers in the promotion of this topic. These publications serving the interests of the broad audience play a significant role in promoting the issues of sexual health. Following this, the authors tend to come up with the algorithms of the media position on the issues of sexuality, given that there are still no common priorities about its coverage.

Key words: *sexual health, sexuality, stereotypes of behavior, media content analysis.*

Введение

Одним из ключевых факторов исследования проблемы сексуального здоровья традиционно считается положение женщины в обществе. В России в течение долгого времени отношение к женщине было продиктовано существующими патриархальными устоями, наличием особой этической доктрины, в соответствии с которой все, что имело отношение к плоти и физиологии, ассоциировалось с чем-то грубым и вульгарным. В связи с этим тема сексуального здоровья женщины никогда не становилась предметом дискуссий в публичном пространстве, включая СМИ. Мало что изменилось в этом отношении в годы советской власти.

Было бы ошибочным говорить о полном отсутствии интереса тогдашней аудитории к сексуальным вопросам. Проблема заключалась в том, что на официальном уровне эта тема по-прежнему являлась табуированной, и потому все вопросы интимного характера женщина была вынуждена решать сама, полагаясь исключительно на интуицию и личное понимание проблемы. Такая позиция не способствовала решению проблем эмоционального и физиологического характера женщины.

Сложившаяся ситуация обуславливалась в первую очередь коммунистической идеологией, подразумевавшей, что каждый член общества должен работать на благо советского народа, но не на себя лично. Вопросы личного и интимного характера воспринимались как второстепенные, не заслуживающие серьезного внимания. Они не обсуждались ни в школах, ни в вузах, за исключением, пожалуй, мединститутов, но и там получая рассмотрение лишь в сугубо физиологическом смысле, без учета морально-нравственных и эмоциональных аспектов. В результате большинство наших людей имело поверхностные представления о сексуальном здоровье.

Глобальные изменения общественно-политического характера, начавшиеся в 1990-е гг. в России, привели к изменению отношения общества ко многим темам, в том числе и к сексуальной. Началось бурное вторжение на российский рынок западных ценностей, что обусловило торжество настоящей сексуальной революции [Лучкевич, 2005; Rivkin-Fish, 2005]. Тема сексуальности стала занимать все большее место в информационной повестке дня. На российском информационном рынке стали появляться издания, поражавшие степенью своей откровенности в обсуждении интимных вопросов. Одним из них стала газета «СПИД-Ин-

фо», явившаяся первопроходцем на ниве сексуального просвещения населения. Сегодня вопросы сексуальной культуры находят отражение во множестве печатных СМИ.

Авторы данной статьи видят свою основную задачу в рассмотрении такого понятия как «сексуальное здоровье» (применительно к разным этапам развития российского общества) и в изучении специфики освещения данной темы в российских печатных СМИ.

Эмпирической основой исследования стало содержание ряда современных женских журналов – российской версии «Cosmopolitan», «Женского здоровья» и «Psychologies». Выбор отмеченных изданий определяется, во-первых, их лидирующими позициями на рынке глянцевой периодики (наиболее востребованной у массовой аудитории), а, во-вторых, значительным объемом публикаций, как раз поднимающих тему женского сексуального здоровья. Есть основания утверждать, что эти журналы активно участвуют в формировании поведенческих установок нашего населения, в том числе применительно к обозначенной нами теме.

Авторы сознательно сосредоточились на исследовании посредством СМИ различных аспектов женского сексуального здоровья. Акцентуация внимания именно на этой, а не мужской сексуальности дает основания говорить о социальных изменениях в нашем обществе на различных исторических этапах. Женская сексуальность и изменение поведенческих установок «слабого пола» способствовали лучшему пониманию российского менталитета, претерпевшего ярко выраженные изменения в последние годы; в то время как развитие мужской сексуальности является, скорее всего, следствием этой трансформации.

«Сексуальное здоровье» как понятие

Тема сексуальности, как научная проблема, привлекала внимание исследователей еще в начале XIX века. В Германии Р. Крафт-Эбинг выделил сексологию в самостоятельную дисциплину [Kraft-Ebing, 1886]. Спустя несколько лет его подходы получили развитие в работе Х. Эллиса [Ellis, 1913]. З. Фрейд стал одним из первых, кто обратил внимание на психологические инстинкты человека, в том числе и в этой сфере [Freud, 1905]. Последователями Фрейда в разработке данных концептов справедливо считаются А. Адлер, М. Хиршфилд, А. Кинзи, Э. Фромм [Adler, 1927; Hirschfeld, 1933; Kinsey, 1953; Fromm, 1956].

Хотя все отмеченные исследователи, так или иначе, анализировали тему сексуальной природы человека, современное видение сексуальной психологии определилось лишь в 1970-х гг. Дж. Ганьон и У. Саймон первыми обратили внимание на идею обоснования в сознании каждого индивида определенного сексуального сценария, на который влияют три фактора: 1) культурно-исторический, 2) социальный/интерактивный, 3) личный. В соответствии с этим, человек в своем поведении обосновывает представления о сексуальной норме, которые не носят объективный характер [Gagnon, Simon, 1973].

Различные научные представления о «теории вопроса» исторически определялись разными стандартами восприятия «оптимального» сексуального поведения. В данной статье приоритетное внимание адресуется теме женской сексуальности, всегда остававшейся одной из основополагающих в европейской научной традиции[1].

В Советском Союзе вопросы сексуальной культуры были впервые поставлены и всесторонне рассмотрены И.М. Коном [Кон, 1989], объединившим социальную и медицинскую области научного познания. И.М. Кон воспринимал сексуальную культуру личности как феномен, определяющий поведение человека в обществе [там же]. Между тем, к настоящему времени до сих пор не выработано четкого понимания того, что следует понимать под соответствующим / несоответствующим типом такой культуры. Очевидно, что оно определяется особенностями целостной эволюции общества.

Именно по этой причине долгое время в мире не существовало единой концепции в области сексуального здоровья, она начала обретать реальные очертания лишь во второй половине XX в. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сегодня определяет под этим понятием не просто отсутствие болезней или расстройств, но состояние соматического, эмоционального, психического и социального благополучия в сексуальной сфере[2]. В свою очередь, по мнению зарубежных исследователей [Douglas, 2013; MacDonald, 2013], сексуальное благополучие затрагивает не толь-

[1] См. напр. *Grazziottin A.* Is There Enough Evidence for the Pharmacological Treatment of Female Sexual Dysfunction? New Research in Female Sexual Dysfunction. CME Female sexual dysfunction at the 11th World Congress of the International Society for Sexual and Impotence Research in Bluenose-Aires, 2004. URL: https://books.google.ru/books=Grazziotin_sexuality (дата обращения: 02.07.2015).

[2] Concepts of sexual health: Report of a working group, 1987. URL: http://whqlibdoc.who.int/euro/1993/EUR_MUR_521.pdf (дата обращения: 16.06.2015).

ко физическую, но и социальную, эмоциональную и психическую сферы жиззни. Это проявление здоровья основывается на позитивном, справедливом и уважительном подходе к половой жизни, отношениям, репродукции, то есть без принуждения, страха, дискриминации, осуждения, порицания, и насилия [Douglas, 2013].

Тем не менее, в мире по-прежнему не существует единого мнения о концепции сексуального здоровья и особенностях ее применения[3]. К примеру, в Великобритании сексуальное здоровье/нездоровье рассматривается, исходя из возможностей вмешательства в эту проблему экспертных или социальных организаций. В свою очередь, российские сексологи основным критерием сексуальности считают существование «внутренней картины сексуального здоровья», воспринимаемой на основе ощущений самого человека [Атемасов, 2011; Тагильцева, 2011]. Может показаться, что обе позиции дополняют друг друга. Однако между ними остается зримая дистанция, определяемая различиями в понимании субъектно-объектных связей. Российское восприятие, кроме того, строится на совокупности соматических и психических ощущений, развиваемых в определенных социальных условиях [Ананьев, 2006; Ивахненко, 2014]. Однако в разных странах эти ощущения разнятся.

Таким образом, различные подходы к данному понятию обусловлены культурными и политическими отличиями различных стран, а также спецификой потребления соответствующей информации. Вместе с тем такие российские эксперты, как В. Ананьев [Ананьев, 2006], А. Атемасов [Атемасов, 2011] видят прочную связь между концепцией сексуального здоровья, сексуальной культурой и особенностями сексуального образования в России.

Сексуальное просвещение в советский и постсоветский периоды

Современное состояние сексуального здоровья в России во многом определяется отношением к женской сексуальности, сложившимся исторически. В нашей стране применительно к сексуальной культуре было принято говорить о наборе устойчивых физиологических элементов, не принимая во внимание интеллектуальные и духовные факторы. Примечательно, что в учебнике для молодоженов, увидевшем свет уже в 1991 г. (т.е. на изломе советского време-

[3] *Giami A.* Sexual Health: the Emergence, Development, and Diversity of Concept, Annual Review of Sex Research. National Institute of Health, 2002. URL: https://www.academia.edu/1355795/Sexual_health_the_emergence_development_and_diversity_of_a_concept

ни), сексуальная культура по-прежнему рассматривалась исключительно с позиции анатомического строения человеческого тела и описания половых различий между мужчиной и женщиной [Круглова, 1991]. В системе просвещения вопрос о половом воспитании также игнорировался. Традиционно-нормативные образы пола и любви обусловливали восприятие сексуальной сферы как постыдной и низменной [Страхов, 2008].

Это отношение формировалось не только в советские годы, но значительно раньше, и на протяжении многих столетий определялось довлеющим характером православной веры, утверждавшей «уединение от глаз людских». Вместе с тем аскетические настроения, присущие русскому народу, нередко сопровождались «отклонениями» от нормы. Н.А. Бердяев, писал об одновременном присутствии в душе русского человека святого (ангельского) и звериного (животного) начал [Бердяев, 1914].

По мнению другого русского философа, В.О. Карпова, русский человек всю свою жизнь, «проводит большей частью вне себя, гоняясь то за материальными выгодами, то за внешним блеском, то за приобретениями в области наук и искусств, то даже за самыми пустыми и бесплодными удовольствиями; а идти домой и посмотреть, что у нас есть и чего нет, что делается и чего не делается, что требуется в жизни внутренней для внешней и каким образом приобрести эти условия? – того мы не хотим» [Карпов, 1860]. На этом фоне собственно человеческое (понимаемое как баланс различных интересов и потребностей человека) традиционно не являлось доминирующим. Отсюда и возникновение в обществе, как не покажется странным, соблазна «балансирования» между аскетизмом и развратом. Это не создавало устойчивых «точек опоры» в восприятии сексуальной темы и во многом порождало в массовом сознании ханжеское к ней отношение.

Большевистская революция 1917 г. не внесла серьезных изменений в сложившееся на официальном уровне понимание сексуальной культуры. Правда, с этого времени начала игнорироваться привычная этика взаимоотношения полов, объявленная «буржуазным предрассудком» [Страхов, 2008]. Можно вспомнить, например, популярную в первые годы советской власти «теорию стакана воды», изложенную первым наркомом просвещения А.В. Луначарским в брошюре «О быте»: «Простецкое, нигилистическое, мнимо-научное разрешение вопроса заключалось в том, что молодежь пошла по линии наименьшего сопротивления и заявила: ну

что же, это не важно, не стоит над этим много думать. Это – тот же пресловутый стакан воды. Очень приспичила половая нужда, нужно ее удовлетворить. Россказни про любовь, брак – штука буржуазная. Нужно учиться у природы, у жизненной правды; она не знает ни романов, ни усложнений» [Луначарский, 1927, с. 35]. Известная политическая активистка тех годов, а впоследствии посол Александра Коллонтай также пропагандировала сексуальную свободу и равенство полов: «Комсомолке с комсомольцем переспать,– как стакан воды выпить» [Коллонтай, 1923, с. 224].

Таким образом, сексуальная тема также была составляющей повестки дня в 1920-е гг. Однако она практически не затрагивала содержание СМИ. На официальном уровне советские лидеры были всегда убеждены, что сексуальные идеи в любом виде будут отвлекать народ от выполнения главной задачи – построения светлого будущего. Повышенное беспокойство по поводу общественной морали в сознании руководства страны определялось одним: в отличие от всего остального, сексуальную составляющую жизни советских людей было крайне затруднительно контролировать. И это влекло за собой стремление СМИ, как инструментов партийного влияния, нивелировать тему сексуальных отношений. Любовь, правда, воспринималась как самостоятельная ценность (что находило место в произведениях советской живописи, литературы, театра, танцевального искусства), однако она, по существу, была лишена интимного компонента и нередко выглядела «условной» на фоне реальной жизни. До начала 1960-х гг. ни в литературе, ни в других сферах духовной культуры даже не ставились проблемные вопросы взаимоотношений мужчины и женщины

Хотя сексология как наука существовала в советские годы в нашей стране, проблемы взаимоотношения полов, по существу, сводились лишь к идее взаимовыручки и решения повседневных вопросов в трудовом коллективе и семье. Государство поддерживало особую роль женщины в обществе, реализуя строго выверенную гендерную модель. Официальная идеология долгое время отрицательно относилась к обсуждению сексуальности и телесности женщин в газетах и журналах. Это общественное табу особенно проявлялось в сфере моды. В частности, в период культа личности царил запрет на одежду, подчеркивающую женские формы. Наряды советских женщин не должны были подчеркивать прелестей их тела и поэтому оставались максимально простыми (нередко «прямоугольного покроя»). Советская пропаганда всячески противо-

поставляла нашу женщину (порядочную и высоконравственную) западной мисс или миссис, ориентированной на наряды, секс и удовольствия[4].

Политика гласности, вдохновила многих журналистов и художников обращаться к темам, которые ранее были под запретом, в том числе и к теме сексуальных отношений [Battle, 1988]. Если в СССР она воспринималась риторически, то в 1990-е гг. стала ощущаться с избытком. Эротические сюжеты появились на телеэкране. Они активно заполонили и массовую прессу, которая стала появляться как на федеральном, так и региональном и даже местном уровнях.

По утверждению В.С. Барулина [Барулин, 2000], старая система ценностей с ее стремлением построить светлое будущее в тот период уже утратила свою актуальность, а новые нравственные ориентиры еще не оформились. Население столкнулось с большим количеством психологических проблем, вызванных стремительным переходом страны в новые социально-экономические условия. Самая главная из этих проблем состояла, пожалуй, в том, что люди не могли быстро сменить привычную систему ценностей на новую [Яковенко, 2012]. Это обозначило серьезный морально-нравственный диссонанс в российском обществе. По данным соцопроса, проведенного в середине 1990-х гг., молодые женщины ставили профессию проститутки на 8-е место по популярности, в то время, как женщины среднего и пожилого возраста в целом вели об этом разговор в уничижительном ключе. Еще один опрос, проведенный в том же году среди московских школьниц, выявил, что 60% учениц хотели бы стать валютными проститутками. Падение привычной этики поведения повлекло за собой огромное количество нежелательных беременностей, распространение венерических заболеваний, аборты[5].

Переход в эти годы к рыночной экономике привел к отрицанию ранее существовавших ценностей. Все, что имело отношение к сексу и сексуальности, стало неотъемлемой частью повседневной жизни в России. Например, официально вовлечение в проституцию продолжало оставаться под запретом (статья 241 УК РФ от 13.06.1996), но, по существу, «продажная любовь» поддерживалась

[4] *Кузеева Е.* Особенности ролевой модели женщины в СССР. URL: http://elenakuzeeva.livejournal.com/7008.html (дата обращения: 30.06.2015).

[5] *Максимовский Е.* Проститутки Москвы: справочник «Антибордель», 1997. URL: http://www.rulit.me/books/prostitutki-moskvy-spravochniantibordelread143422-37.html (дата обращения: 30.06.2015).

за счет рекламы – на страницах безобидных на первый взгляд «журналов знакомств». В конце 1990-х гг. ситуация начала постепенно меняться. То ли неизбежно наступающая стабильность сказалась на сексуальных интересах, то ли граждане просто утомились любить что попало, дикий секс окультурился вслед за остальными декорациями[6]. «Мы снова начали носить одежду, оставляющую простор фантазии, заниматься любовью, а не подсчитывать половых партнеров. И даже стали жениться» [Щукина, 2013].

Пока рано говорить о том, что российское общество пришло к консенсусу относительно того, что следует понимать под здоровой сексуальной культурой. Хотя применительно к вопросам частной жизни были сняты многие ограничения, изменившееся отношение к теме сексуальности до сих пор вступает в противоречие с исторически сложившейся системой моральных ценностей. Эта ситуация по-прежнему усугубляет проблему взаимопонимания у представителей разных поколений.

Обозначив приоритеты развития сексуальной культуры в России, уместно задаться вопросом: какое место эта тема находила в отечественных СМИ на протяжении их исторической эволюции?

Образ женщины в отечественной прессе: к эволюции развития

Как известно, тип государственных СМИ изначально был определяющим в системе российской прессы, что и обусловило восприятие ими окружающей жизни и во многом сформировало отношение к вопросам сексуальной культуры. Теме взаимоотношения полов, как и вопросам сексуального здоровья, в дореволюционной печати не уделялось практически никакого внимания. Это не значит, что жизнь в России была пуританской, однако в стране одновременно существовали как бы две системы ценностей: одна для широкой публики, а другая «для внутреннего пользования»[7].

Тему сексуального здоровья СМИ в любой стране интерпретируют, принимая во внимание роль женщины в социальной жизни общества. До большевистской революции 1917 г. в России добропорядочная женщина наделялась целым рядом добродетелей: она

---

[6] *Максимовский Е.* Проститутки Москвы. Указ. соч.

[7] *Скорнякова С.* Формирование имиджа женщины-политика в общественном мнении россиян. URL: http://www.rusnauka.com/35_NOBG_2013/Politologia/4_153360.doc.htmhttp:// www.rusnauka.com/35_NOBG_2013/Politologia/4_153360.doc.htm, дата обращения 1.07.2015

должна была придерживаться патриархальной системы ценностей[8]. Основными ее интересами были дом и семья. Поэтому целью первых русских женских журналов (еще с конца XVIII в.) было не столько просвещение женской аудитории по общественным вопросам, сколько обучение ее премудростям домашней жизни, умению следить за собой. Так, в 1769 г. в Петербурге, а потом в Москве издавался ежемесячный журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». К слову, «модным» это издание было лишь в незначительной степени, поскольку представляло собой скорее литературный журнал для женщин, предлагающий им легкое и нравоучительное чтение. Основу содержания составляли повести (главным образом, переводные и очень сентиментальные) и стихи (исключительно о любви). В журнале печатались произведения И. Майкова, Д. Сиротина, П. Сумарокова, Б. Княжнина [Сокольская, 2006] .

Под влиянием социальных и экономических факторов во второй половине XIX – начале XX вв. в женской прессе произошли серьезные изменения. Тип женского литературного журнала стал развиваться как литературно-общественный (примером служат такие издания как «Рассвет», «Женский вестник», «Друг женщин»). Отечественный феминизм, женское образование и другие вопросы стали составляющей их общего содержания. Журналы были нацелены на просвещение читающей публики. Появилось педагогическое издание для женщин «На помощь матерям» (1894–1904). Также наблюдались типологические изменения в журналах мод, домоводства, рукоделий и литературы [Смеюха, 2011].

В начале XX в. многие женские издания стремились создать образ идеальной женщины как хранительницы семейного очага и матери большого количества детей, уделяющей все свое свободное время их воспитанию. Эти темы стали главенствующими для таких журналов, как «Домашняя портниха» (1906), «Хозяйка дома» (1908), «Мода для всех» (1910). Правда, внутренний мир женщины также постепенно начинал восприниматься в качестве самостоятельной темы. Отмечалась важность достижения женщиной общественных целей, что, должно было помочь ей стать уважаемой в обществе.

В то же время все более серьезное внимание в прессе стало уделяться теме женского движения. К этому привело разделение жен-

[8] *Скорнякова С.* Формирование имиджа женщины-политика в общественном мнении россиян. Указ. соч.

ской периодики на массовую, где описывалась мода, давались советы по домоводству, печатались литературные новинки («Женщина», «Дамский мир», «Журнал для хозяек»), и общественно-политическую («Женский вестник», «Союз женщин», «Работница»). Под влиянием социально-политических процессов в стране возник общественно-политический журнал как самостоятельный тип издания, где ставились вопросы эмансипации женщины, а также возможностей достижения женского равноправия [Симонова, 2008]. Вместе с тем тема сексуального здоровья по-прежнему не получала в СМИ сколько-либо заметного развития. Все, что было связано с физиологией человека, в общественном пространстве прочно ассоциировалось с грязным и греховным.

Схожее восприятие женщины стала в дальнейшем демонстрировать и периодика советского времени. Несмотря на изменившиеся политические условия, она продолжила развитие традиций восприятия женского образа в отечественных СМИ.

Придя к власти, большевики инициировали появление большого числа женских изданий. Помимо «Работницы» и «Крестьянки» (первые номера которых появились соответственно в 1914 и 1917 гг.), женская пресса дополнилась в 1920-е гг. журналами «Коммунистка», «Делегатка» и рядом других. В послевоенное время популярным стал выпускаемый в цвете журнал «Советская женщина». Содержание этой периодики не сосредотачивалось только на освещении политических вопросов: здесь печатались рассказы, стихотворные подборки. Вместе с тем образ советской женщины должен был всецело соответствовать задачам дня, выдвигаемым партией. От женщины требовалось быть активной участницей общественной жизни: знающей и преданной своему делу работницей, активным членом профсоюза.

Только с приходом хрущевской «оттепели» (начиная со второй половины 1950-х гг.), советские СМИ обратились к внутреннему миру женщины. Журналисты, по существу, впервые заинтересовались психологией своих читательниц. В прессе стали появляться очерки, поднимавшие проблемы семейной жизни (вспомним творчество Татьяны Тэсс, Веры Ткаченко, Инны Руденко и многих других журналистов), прежде закрытые от стороннего взгляда. Эта публицистика стала серьезным прорывом в освещении вопросов, связанных с женской самоидентификацией. Вместе с тем никто не отменял привычное восприятие роли женщины как труженицы и матери (о чем, например, свидетельствовало содержание такого

популярного в те годы журнала как «Советская женщина», определявшего главный смысл ее существования «в служении своему народу»).

В отечественной и зарубежной историографии понятие хрущевской «оттепели» принято характеризовать как период изменений, прогрессивных по своему характеру. Если сопоставить данный отрезок в истории страны с предшествующим ему периодом, то социальные перемены действительно отмечались. Но до проникновения СМИ в интимный мир женщины было еще далеко.

С приходом к власти М.С. Горбачева радикальные изменения произошли как в обществе в целом, так и в системе СМИ в частности. Прежде всего, эти изменения коснулись подходов к освещению тем, которым ранее уделялось мало внимания. Одной из них и стала тема сексуального здоровья. Сфера интимных отношений все чаще становилась предметом общественных дискуссий. Именно в этот период отечественный медиарынок наполнила массовая и откровенно «желтая» пресса («СПИД-Инфо», «Экспресс-газета», «Мегаполис-экспресс» и др.), которая, помимо сенсаций, скандалов, интриг, сосредоточилась на освещении темы эротики и секса. В этот же период на прилавках страны появляются русскоязычные версии американских журналов «Playboy» и «Cosmopolitan», также отдающие дань отмеченной теме.

Потребовалось, впрочем, еще несколько лет, прежде чем женщина окончательно перестала рассматриваться СМИ как труженица и превратилась в объект желания с присущими ей характеристиками – красотой, ухоженностью и эротической составляющей.

В последние годы происходят качественные перемены в продвижении женского образа. Женщина в отечественных СМИ уже выглядит способной самостоятельно повлиять на свою судьбу, причем зачастую без мужской поддержки. Все больше говорится о самодостаточности женщины, частью которой становится ее сексуальная привлекательность. Это в первую очередь отражается в публикациях глянцевых журналов. Вместе с тем другие типы изданий также прибегают к созданию образа женщины, имеющей ярко выраженные личные потребности, стремясь, вероятнее всего, соответствовать духу времени. Современные СМИ показывают женщин целеустремленных, напористых и в то же время активно стремящихся к эстетическому и эротическому идеалу.

Сложившаяся в современных отечественных СМИ картина ставит на повестку дня вопросы о том, в какой мере каждая российская

женщина готова соответствовать предлагаемой модели и насколько представленные журналистами образы соответствуют жизненным реалиям. Их актуальность усиливается тем, что в нынешнем российском обществе, ввиду его неустойчивости, бытует множество мнений относительно того, какой должна быть идеальная женщина. СМИ рисуют совершенно разные образы: от домохозяйки и хранительницы домашнего очага до коварной соблазнительницы и даже «беззаботной стервы». Какую модель поведения выбрать и от чего отталкиваться – этот вопрос продолжает оставаться в обществе нерешенным. Ясность в этом отношении, вероятно, может наступить не только при условии более стабильного существования самого общества, но и благодаря более ответственной позиции самих СМИ в отношении обсуждаемой темы.

Как выглядит эта позиция сегодня, мы разберем на примере ряда современных женских журналов.

Тема сексуального здоровья в российских СМИ: к особенностям содержания

В настоящее время имеется огромное количество печатной и аудиовизуальной продукции, где тема секса и интимной жизни является доминирующей. Среди них известные журналы «Playboy», «Maxim», телевизионные передачи «Ты не поверишь», радиопрограмма «Секс в большом городе» и другие. Кроме того, на российском телевидении существует множество программ, где проходят регулярные дискуссии на тему сексуальных отношений: «Пусть говорят», «Давай поженимся», реалити-шоу «Дом-2», “Каникулы в Мексике» и другие. Все это свидетельствует о том, что отечественные СМИ пытаются выработать свой, устойчивый, алгоритм для освещения вопросов культуры интимного поведения.

В какой мере у них это получается?

Для изучения этого вопроса были взяты глянцевые журналы «Cosmopolitan», «Psychologies» (в обоих случаях русские версии), а также «Женское здоровье». Как уже было сказано ранее, эти издания занимают лидирующие позиции на рынке отечественной печатной продукции, имеют высокие тиражи и уделяют повышенное внимание освещению темы сексуального здоровья. В общей сложности было проанализировано более ста публикаций за 2014 г.

«Cosmopolitan» является частью финской издательской группы Sanoma Independent Media и выпускается в России тиражом в

1,1 млн экз. В свою очередь, «Psychologies» издается российской компанией Hearst Shkulev тиражом в 180 тыс. экз. Что касается журнала «Женское здоровье», то он контролируется компанией «Мед-ПРЕСС» и имеет тираж в 144 тыс. экз.

Нами было изучено 124 публикации, появившиеся в отмеченных изданиях с января 2013 г. по декабрь 2014 г. Все они, связанные с темой женского сексуального здоровья, написаны преимущественно в жанрах интервью, репортажа и авторского эссе. Мы разделили имеющийся эмпирический материал на три основные группы публикаций: 1) затрагивающие отношения между мужчиной и женщиной; б) ставящие вопросы сексуальной привлекательности женщины; 3) связанные с темой контрацепции или репродуктивного поведения.

Именно эти компоненты являются наиболее важными для целостного понимания темы сексуального здоровья, поскольку позволяют уловить связь между спецификой восприятия сексуальности со стороны самой женщины, пониманием роли женщины в обществе и психологической компонентой отношений между мужчиной и женщиной. Именно на эти аспекты обращают внимание авторы исследованных нами публикаций. Основной категорией анализа послужила журналистская позиция в отношении темы сексуального здоровья, прежде всего, по поводу упомянутых нами аспектов.

Отношения между мужчиной и женщиной

Несмотря на то, что тема сексуального здоровья присутствует во всех названных изданиях, у каждого из них имеется свой подход к ее освещению.

На страницах «Женского здоровья» женщина воспринимается с традиционалистских позиций – прежде всего как добропорядочная жена и мать. С одной стороны, редакция журнала признает перемены, произошедшие в жизни женщины за последнее время, приветствует появление ее новых карьерных возможностей, но при этом содержание издания выглядит в целом консервативным. Журнал поддерживает идею о том, что женщине важно играть роль матери для своего мужчины. «*Женщина должна быть достаточно умна, чтобы не показывать лишний раз свой интеллект. Каким бы умным ни был ее избранник, она должна понимать, что для нее он остается большим ребенком*»[9]. Истоки такого взгляда, бес-

[9] *Медведева Н.* Семья и отношения // Женское здоровье. 2014. Октябрь. URL: http://www.wh-lady.ru/archive/?SECTION_ID=109 (дата обращения: 01.07.2015).

спорно, зиждятся на осознании журналом той роли, которую российская женщина выполняла исторически. Вместе с тем журнал не уточняет, сколько представительниц слабого пола согласится сегодня на такую роль.

Образ женщины в журнале «Женское здоровье» принципиально отличается от образа, созданного «Cosmopolitan». С одной стороны, по мнению «Cosmo», путь к счастливой жизни для женщины лежит через освобождение от предрассудков и стереотипов. В частности, «Cosmo» пытается убедить в том, что одинокие женщины совсем не обязательно глупы: «*Нет необходимости соответствовать чьим-либо ожиданиям касательно представления о семейной жизни. Что действительно важно, так это понять себя и найти свой путь достижения счастья*»[10]. С другой стороны, политика издания строится вокруг всевозможных уловок и советов, с помощью которых женщина призвана соблазнить своего избранника. Таким образом, женщина должна быть самодостаточной, но в то же время делать все, чтобы заполучить «мужчину своей мечты». При этом, независимо от семейного положения, в женщине поощряется стремление иметь собственные увлечения и жить насыщенной и разнообразной увлекательной жизнью.

Что касается «Psychologies», то наиболее популярные темы здесь – это семейная жизнь, отношения с партнерами, а также скрытые желания и страхи. Рецепт обретения женского счастья, представленный на страницах этого журнала, напоминает концепцию, предложенную «Cosmo», с той лишь разницей, что «Psychologies» уделяет особое внимание психологической составляющей женского «я». Редакция журнала не возражает против стремления женщины быть социально-ориентированной, но важнейшей для нее становится самооценка и осознание собственной ценности. Важно найти баланс между ее личным «я» и «мы»[11].

Сексуальная привлекательность женщины

В журнале «Женское здоровье» привлекательность женщины ставится в зависимость от соблюдения диеты, борьбы за идеальную фигуру (особенно после рождения ребенка), использования spa-процедур. Все это сочетается на страницах издания с пропагандой семейных ценностей. Поскольку роль матери является

[10] *Савельева Н.* Мы знакомы // Cosmopolitan. 2014. № 12 (декабрь). С. 72.

[11] *Шевченко Е.* История о нас: от слияния к свободе // Psychologies. 2014. № 100 (август). С. 56.

приоритетной, то главной целью каждой женщины должен стать поиск идеального партнера и рождение здоровых детей.

Подход «Cosmo» к освещению вопросов сексуальной привлекательности принципиально иной. Женская красота и стремление выглядеть соблазнительно выносятся редакцией на первый план. Когда женщина «в форме», то она уверена в себе и может привлечь внимание мужчины. Закономерно, что для реализации этой задачи авторы «Cosmo» обращаются за советом к истинным ценителям женской красоты – мужчинам. Так, например, в публикации «Как девушка должна выглядеть на свидании» представлены мнения молодых людей. Все они придерживаются схожей точки зрения: девушка должна быть ухоженной, выглядеть естественно и аккуратно[12]. В журнале есть и специальные рубрики «Beauty» («Красота») и «Cosmo Look» («Взгляд “Cosmo”»), где подробно рассказывается о новинках косметики, тонкостях праздничного и будничного макияжа, а также последних модных тенденциях.

«Будь дерзкой, активной в отношениях с мужчинами, не бойся препятствий!» – такой призыв постоянно звучит со страниц журнала. Так, изображение американской фотомодели Барбары Палвин сопровождается комментарием: «*За [ее] ангельской внешностью скрывается далеко не ангельский характер. В свои 20 лет красотка успела отбить у Селены Гомес Джастина Бибера, стать лицом Victoria's Secret, сняться в кино и завести дружбу со скандальной Карой Делевель. Берем пример!*»[13]. По мнению журнала, девушка в стиле «Cosmo» свободна от предрассудков и порой может даже нарушить моральные принципы, когда речь заходит о делах сердечных.

Быть привлекательной в понимании «Cosmo» – это жить в гармонии со своими чувствами и не бояться думать о сексе. Актриса Рита Ора в интервью «Cosmo» откровенно призналась, что гордится тем, что она женщина и способна думать о сексе. «*Все думают о сексе, хотя и не все признают это. Для меня секс способ понять человека лучше, ощущая его всем телом*»[14].

---

[12] Мужское мнение: как девушка должна выглядеть на свидании // Cosmopolitan. URL: http://www.cosmo.ru/beauty/makeup/muzhskoe-mnenie-kak-devushka-dolzhna-vy (дата обращения: 02.07.2015).

[13] Будь дерзкой // Cosmopolitan. URL: http://www.cosmo.ru/issue/cosmo-iyul-2014/ (дата обращения: 02.07.2015).

[14] *Предеина Е.* Рита Ора: Ничто не приносит такого удовольствия, как быть на сцене. (Интервью с Ритой Ора) // Cosmopolitan. 2014. № 11 (ноябрь).

Журнал «Psychologies» демонстрирует иное понимание женской красоты. Привлекательность – это, прежде всего, гармония души и тела, обретение баланса между мыслями и чувствами. Главную ценность представляет собой осознание женщиной собственной значимости. Тем не менее, в отличие от прежних времен, *«сейчас женщин учат прислушиваться к себе, что, естественно, способствует их саморазвитию и ведет к гармонии и счастливой жизни»*[15].

Репродуктивное (сексуальное) поведение

«Женское здоровье» подходит к раскрытию этой темы с точки зрения женской психологии. Журнал дает понять, что женщина не в состоянии обрести внутреннюю гармонию, если не будет учитывать свои физиологические особенности и прислушиваться к своему природному ритму. При этом авторы отмечают, что современное общество требовательно к женщине, поэтому та должна быть полной сил и ощущать готовность работать. Но стремление соответствовать этой модели поведения легко может стать причиной стресса. Для того, чтобы этого не допустить, следует учитывать свои природные возможности[16].

По сравнению с «Женским здоровьем», «Cosmo» и «Psychologies» рассматривают отмеченную тему под иным углом зрения.

«Cosmo» заостряет внимание на свободном отношении к сексу и репродуктивному поведению женщины. Здесь часто можно встретить рассуждения о тонкостях нанесения макияжа, возможностях карьерного роста, модных тенденциях, сексуальных уловках и других вопросах. В отличие от тех российских печатных СМИ, которые проявляют осторожность в освещении темы секса, «Cosmo» обсуждает ее открыто. Примером служит статья под заголовком «Великий оргазм». Автор доказывает, что вагинальный оргазм действительно существует и ставит вопрос о том, что для достижения сексуального удовлетворения необходимо учитывать и эмоциональный фон женщины. «*Главное – нужно верить в себя, доверять себе самой, смотреть на себя и расслабиться, наконец*»[17].

Схожая мысль присутствует в редакционной колонке ноябрьского выпуска «Cosmo» за 2014 г. Автор утверждает, что, с одной стороны, нет «*более животрепещущей темы, чем секс и романтические от-*

---

[15] *Кадален С.* Вы следуете своим истинным желаниям // Psychologies. 2014. № 101 (сентябрь). С. 71.

[16] *Жулина Г.* Женский барометр. Прислушайся с природному циклу // Женское здоровье. 2014. № 11 (октябрь), С. 56.

[17] *Шепелева И.* Великий оргазм // Cosmopolitan. 2014. № 1 (январь). С. 85.

ношения». С другой стороны, «*мы до сих пор живем в обществе, где открыто о сексе почти не говорят. В то же время, мы знаем, что... хотим заниматься хорошим сексом*». При этом автор признается, что она «не эксперт, эротические курсы не оканчивала, так что за осведомленность в этой теме отвечает «Cosmo». «*На его территории всегда говорили и будут говорить о любви и сексе. Чтобы просвещать, вдохновлять, убеждать, что ты не одна, ну и, конечно, развлекать*»[18].

Вопросы, связанные с сексуальным здоровьем, в «Psychologies» рассматриваются иначе. Ключевой для журнала является идея, что нет правильного и неправильного сексуального поведения, а есть разные модели, которые больше или меньше всего подходят определенному типу женщин. Главное для женщины – понять себя, услышать свои желания и найти подходящую модель интимного поведения.

Подведем итоги исследования эмпирического материала.

Тема сексуального здоровья, в трактовке «Cosmo», определяется полноценными взаимоотношениями мужчины и женщины. Авторы не сосредотачиваются только на технической стороне вопроса: в ряде материалов говорится о психологической составляющей интимных отношений. Но и секс ради секса «Cosmo» не исключает.

Вопросы, связанные с сексуальным здоровьем, в «Psychologies» рассматриваются в более мягком ключе, по сравнению с «Cosmo». Редакция журнала полагает, что нет правильного и неправильного сексуального поведения, приоритетна та модель, которая подходит той или иной женщине. Главное для нее – понять себя, услышать свои желания. Вместе с тем, в отличие от «Cosmo», в «Psychologies» стремятся выявить причины того или иного вида этого поведения. Есть даже постоянная рубрика «Сексуальность», которую ведет эксперт-сексолог Катрин Бланк. Каждый раз она обращается к определенной проблеме, связанной с сексуальной сферой. Например, в публикации «Мы можем легко мириться в постели» говорится о предрассудках, усложняющих интимную жизнь[19]. К. Бланк легко и непринужденно делится своими взглядами на сексуальные отношения партнеров и их способностями найти компромисс в повседневной жизни.

Образ женщины, который создают авторы «Женского здоровья», на наш взгляд, еще более консервативен: женщина здесь,

[18] *Баданина А.* Письмо редактора // Cosmopolitan. 2014. URL: http://www.cosmo.ru/issue/noyabr-2014/ (дата обращения: 03.07.2015).

[19] *Бланк К.* Нам легко помириться в постели // Psychologies. 2014. № 144 (декабрь). С. 73.

прежде всего, предстает в образе матери и жены. В то же время авторы издания не оставляют без внимания психологическую составляющую женского здоровья, активно говорят о чувствах и переживаниях прекрасной половины.

Таким образом, образ женщины и тема женского сексуального здоровья во всех трех изданиях освещается по-разному. Так, идея самореализации, пропагандируемая «Cosmo» и «Psychologies», противопоставляется идее истинного предназначения женщины в трактовке «Женского здоровья». По мнению авторов «Cosmo», женщина вполне самодостаточна, чтобы при необходимости изменить свою жизнь. Вместе с тем, хотя эта роль выглядит привлекательной в глазах общества, остается неясным, как самой женщине добиться искомого результата. Редакционная политика, проводимая каждым из этих журналов, диктует приоритетные темы и способы их раскрытия. Проведенное нами исследование публикаций показало, что проблемы сексуального здоровья рассматриваются на основе схожего восприятия (анализа взаимоотношения между полами, тема контрацепции, тема женской привлекательности). Вместе с тем есть смысл говорить о принципиальной разнице в подходах к освещению данной темы. Отсюда и женские образы, присутствующие на страницах отмеченных изданий, зачастую противоречат друг другу.

Пожалуй, только журнал «Psychologies» демонстрирует потребность разобраться во внутреннем мире женщины. Такой подход представляется нам перспективным, постепенно уводящим аудиторию от представлений о сексе, господствовавших в советскую эпоху, когда само явление ассоциировалось с чем-то непристойным. Основная идея, которую пытаются донести авторы журнала до своей аудитории, заключается в необходимости для женщины прислушиваться к себе, своему телу, чувствам и эмоциям, а также в желании принимать себя – со всеми личными особенностями своего тела и психики.

Чаще авторы названных журналов выступают в роли агитаторов, поощряющих инстинктивные желание женщины, будь то ее сосредоточенность на телесных ощущениях (как это часто бывает в публикациях «Cosmo»), либо ее приверженность сохранению домашнего очага (на страницах «Женского здоровья»). И тот, и другой подход в отдельности, на наш взгляд, сужает представления о современной роли женщины в российском обществе, поскольку не учитывает всего разнообразия моделей женского поведения, которое мы наблюдаем в реальной жизни.

Заключение

В России теме сексуального здоровья практически никогда не уделялось пристального внимания, поскольку она долгое время ассоциировалась с чем-то «недостойным». Эта концепция, возникшая еще задолго до большевистской революции 1917 г., была тесно увязана с пониманием специфической роли женщины в нашем обществе. Согласно традиционной морали, идеальная женщина не могла не быть добропорядочной христианкой, заботливой матерью и верной женой. Коммунистическая идеология продолжила традицию пренебрежительного отношения к сексуальным отношениям, но теперь это происходило под эгидой борьбы с буржуазной моралью. Можно сказать, что и до, и после установления советской власти тема секса по разным причинам была снята с информационной повестки дня. На формирование образа советской женщины существенное влияние оказали исторические традиции и существующая общественная идеология. Только с началом горбачевской гласности ранее запретные темы начали обсуждаться открыто, подчас даже с пренебрежением к прежним морально-этическим табу.

Отечественные СМИ, в соответствии с идеологическими установками, долгое время игнорировали освещение сексуальных вопросов. Политика гласности, обозначившаяся во второй половине 1980-х гг., повлекла за собой пересмотр господствовавшей ранее системы ценностей. Начиная с 1990-х гг., тема сексуального здоровья получила масштабную прописку в отечественных СМИ. При этом мало кто из авторов имел четкое представление о том, как ее рассматривать. Российские СМИ и по сей день не выработали однозначных подходов в освещении данного вопроса, и аудитория продолжает получать информацию, нередко отличающуюся сомнительным качеством.

Выбранные нами для анализа издания акцентируют внимание на запретных ранее темах. Одновременно им присуща нехватка аналитического подхода, который предполагает более глубокое восприятие поведенческих приоритетов женщины.

Все это не способствует формированию взвешенной сексуальной культуры в российском обществе и адекватного представления о сексуальном поведении, которое бы учитывало не только физиологическую, но и эмоциональную составляющую. Большое количество оценок и суждений, появляющихся в СМИ по этому

поводу, затрудняет понимание сути вопроса и еще больше запутывает аудиторию. Очевидно, что соответствующая система ценностей, актуальная еще в прошлом столетии, уже устарела, а новая лишь формируется. Вот почему мы полагаем, что СМИ необходимо придерживаться более сдержанного, если не сказать осторожного, подхода в освещении отмеченной темы. С одной стороны, важно проявлять чуткость по отношению к аудитории, а с другой, воздерживаться от каких-либо категоричных суждений.

Список литературы

Ананьев В. Основы сексуального здоровья // Семейная психология и семейная терапия. 2006. № 2.

Атемасов А. Половое воспитание школьников. Программа и методологические рекомендации для будущих педагогов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.

Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб: Алетейя, 2000.

Бердяев, Н. О «вечно бабьем» в русской душе. Сборник статей. Судьба России, 1914. М., 1918.

Ивахненко Т. Взаимосвязь между культурой и сексуальным здоровьем // Вектор университета Тольятти. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 2.

Карпов В. О самопознании // Странник. 1860. Ч. 1. С. 17–34.

Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб, 1923.

Кон И. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989.

Круглова Т. Пособие молодой семье. Пособие для молодоженов. М., 1991.

Луначарский А.В. О быте. Л.: Гослитиздат, 1927.

Лучкевич В., Семенова В. и др. Репродуктивное здоровье населения как проблема современного общества. // Вестн. СПбГУ. Сер. Образование, здравоохранение, физическая культура. 2005. № 1.

Симонова О.А. Массовая беллетристика в структуре женских журналов. Автореф. канд. дис... канд. филол. наук. М., 2008.

Смеюха В. Отечественные женские журналы. Историко-типологический аспект: Монография. Ростов-на-Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.

Сокольская Л. Первые женские журналы для российских читательниц (конец XVIII – первая полов. XIX века) // Библиосфера. 2006. № 2.

Страхов А. Половое воспитание в России: за и против // Вестник Южно-Уральского ун-та. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2008. № 19 (199).

Тагильцева Г. Отношение к сексуальному здоровью у женщин // Актуальные проблемы естественных наук. СПб, 2011. № 9.

Яковенко, И. Российская ментальность и вызовы нового времени. Материалы круглого стола фонда «Либеральная миссия». М. 2012.

Adler A. Understanding human nature. New York: Greenburg, 1927.

Battle J. Uskorenie, Glasnost‘ and Perestroika: The Pattern of Reform under Gorbachev, *Soviet Studies*. 1988. № 3.

Coleman E. Defining sexual health: a descriptive overview // Arch Sex Behav, 2004. URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/15129038

Douglas J. Understanding sexual health and its role in more effective prevention programs // Public Health Reports. 2013. Vol. 128.

Gagnon J., Simon W. Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality. Chicago: Aldine Books, 1973.

Hirschfeld M. Men and Women: The World Journey of a Sexologist. New York: G.P. Putnam’s & Son, 1933.

Ellis H. Sexual inversion. Philadelphia: F.A. Davis Company, 1913.

Freud Z. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. Frankfurt-am-Main: Fischer, 1905.

Fromm E. The Art of Loving. New York: Harper & Row, 1956.

Kinsey A. Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia: Saunders, 1953.

Kraft-Ebbing R. Psychopathia Sexualis. New York: Stein and Day, 1886.

MacDonald M. Sexual health and responsibility program (SHARP): preventing HIV, STIs, and unplanned pregnancies in the Navy and Marine Corps // Public Health Reports. 2013. URL: http://www.siecus.org/index.cfm?fuseaction=Feature.showFeature&featureID=2298

Rivkin-Fish M. Women’s Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention. Bloomington: Indiana University Press, 2005.

Поступила в редакцию
31.08.2015

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес)

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация (объемом не более 10 строк) должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова (не более 5) после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде постраничных сносок (если есть). Через постраничные сноски также оформляются подстрочные библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Список литературы) у всех статей в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть подстрочные библиографические ссылки и/или отсылки в тексте статьи (затекстовые библиографические ссылки).

Отсылку в тексте приводят в квадратных скобках в строку с текстом документа: указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid, p. 123] для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

– непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы,

– при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов,

– до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов,

– гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов,

– не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме,

– борется с плагиатом всеми доступными способами,

– строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.